С. КНЯЗЬКОВЪ.

Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право въ Россіи

историческій очеркъ

изданіе торговаго дома
С. КУРНИНЪ и К°.
Москва, Кузнецкій м., д. № 11.

С. Князьковъ.

КАКЪ СЛОЖИЛОСЬ И КАКЪ ПАЛО

КРѢПОСТНОЕ ПРАВО

ВЪ РОССІИ.

Историческій очеркъ.

Подъ редакціей **А. А. Кизеветтера.**

Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное.

МОСКВА.
Типо-литогр. П. К. Прянишникова. Цвѣтной бульваръ, д. № 21.
1904.

Дозовлено цензурою, 1904 г., 3 іюля, С.-Петербургъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Седьмой Московской Воскресной

ЖЕНСКОЙ ШКОЛѢ.

Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право въ Россіи.

I.

Не много еще прошло лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи прекратилось господство крѣпостного права. Живы еще старики, которые могутъ разсказать по собственнымъ воспоминаніямъ и впечатлѣніямъ о временахъ его господства. Во времена крѣпостного права помѣщики владѣли крестьянами, какъ и всякой другой вещью въ своемъ хозяйскомъ обиходѣ. Крестьянъ покупали и продавали, мѣнялись ими, переселяли ихъ изъ одной мѣстности въ другую. Помѣщикъ могъ наказывать своихъ крестьянъ даже и за малые проступки, крестьяне ничего не смѣли дѣлать безъ позволенія своего господина. Помѣщичьи крестьяне находились, словомъ, въ полной зависимости отъ своихъ господъ.

Крѣпостныхъ ко дню отмѣны крѣпостного права считалось болѣе 25 милліоновъ душъ обоего пола.

Не сразу выросла, конечно, такая полная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ. Какъ и все въ человѣческой жизни, крѣпостное право выростало понемногу, постепенно, и въ своемъ развитіи пережило не одну ступень.

Чтобы понять, какъ оно сложилось, надобно заглянуть далеко въ глубь прошлаго. Припомнимъ, какъ обстояли дѣла на Руси лѣтъ сотъ за пять, за шесть до нашего времени. Тогда еще только собиралась около Москвы русская земля, раздробленная на удѣлы, раздавленная татарскимъ владычествомъ.

Московскіе князья счастливо заняли мѣстность по теченію рѣки Москвы, одинаково удаленную отъ всѣхъ враговъ тогдашней Руси — и отъ татаръ, и отъ литвы; къ тому же, они умѣли удачно отдѣлываться отъ этихъ разорителей русской земли. Жизнь въ Московскомъ княжествѣ устраивалась поэтому относительно спокойнѣе, нежели въ другихъ. Не мудрено, что народъ, усталый и измученный постояннымъ кровопролитіемъ, стремился селиться во владѣніяхъ Московскаго князя. Населеніе московскаго княжества поэтому постоянно возрастало; московская земля обрабатывалась больше и лучше, слѣдовательно, давала и больше дохода. Московскій князь сталъ не только сильнѣе, но и богаче другихъ князей — тверскихъ, рязанскихъ, ярославскихъ, нижегородскихъ и пр.

Понемногу московскіе князья стянули всѣ эти княжества подъ свою руку: какія скупили, какія просто забрали, и сдѣлались, такимъ образомъ, государями, хозяевами и владѣтелями надъ всей русской землей.

Послѣ того, какъ подъ руководствомъ московскаго князя собралась въ одно государство вся русская земля, стали считать, что вся земля въ государствѣ принадлежитъ только государю, подданные же могутъ только *пользоваться* ею, а не *владѣть*. За пользованіе государевой землей народъ долженъ былъ платить ему дань, подать. Народъ въ то время такъ и говорилъ, что „земля — великаго государя да Божья, а роспаши и ржи — наши".

Итакъ, въ Московскомъ государствѣ вся земля считалась царевой. Эту землю царь раздавалъ дворянамъ для службы. Это значитъ, что получившіе землю отъ Великаго Государя должны были, кормясь отъ обработки этой земли, быть готовы на государеву службу. Розданныя служилымъ людямъ *помѣстья* государь всегда могъ отобрать у нихъ, заставить перемѣнить одно помѣстье на другое, лучшее на худшее, дальнее отъ Москвы на близкое къ ней и наоборотъ.

У многихъ служилыхъ людей, особенно у знатныхъ и родовитыхъ, потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей и ихъ бояръ, находились еще во владѣніи земли, перешедшія къ нимъ отъ пред-

ковъ. Такія земли назывались *вотчинами*. Вотчинами владѣльцы могли распоряжаться, какъ своимъ имуществомъ: могли продавать, мѣнять, завѣщать ихъ, отдавать въ приданое. *Помѣстьемъ* же служилый человѣкъ владѣлъ, пока лишь служилъ—когда же кончалъ службу, то и помѣстье у него отбиралось.

Но такъ какъ всѣ люди Московскаго государства были подданными Великаго Государя, его слугами, то и ихъ имущество, какъ и они сами, были въ полномъ распоряженіи Великаго Государя. Когда было нужно, то по царскому приказу у вотчинниковъ отбирались ихъ родовыя вотчины и давались имъ другія. Когда раздавались для службы помѣстья, то вотчинникамъ, обладавшимъ достаточнымъ для службы количествомъ земли въ ихъ вотчинахъ, помѣстья давались меньшихъ размѣровъ, нежели служилымъ людямъ, не владѣвшимъ вотчинами.

И Великій Государь и вотчинники раздавали много земли монастырямъ, какъ вклады за моленія объ упокоеніи душъ своихъ и своихъ предковъ. Изъ такихъ пожертвованій создавались у монастырей большія земельныя имущества, своего рода монастырскія вотчины.

Слѣдовательно, земля въ Московскомъ государствѣ принадлежала вся Великому Государю, а отъ него ее имѣли, въ качествѣ помѣстій или вотчинъ, служилые люди и монастыри.

Обрабатывалась земля у помѣщиковъ, вотчинниковъ, у монастырей, въ селахъ самаго Великаго Государя—крестьянами, которые снимали, арендовали, у всѣхъ этихъ землевладѣльцевъ отдѣльные участки земли.

Самое слово крестьянинъ однозначуще со словомъ христіанинъ. Называть земледѣльцевъ крестьянами стали приблизительно съ 14-го вѣка, быть можетъ, въ отличіе отъ язычниковъ-дикарей-звѣролововъ финновъ, въ странѣ которыхъ стало селиться съ 12-го вѣка христіанское населеніе, перебиравшееся сюда съ безпокойнаго кіевскаго юга и начавшее здѣсь заниматься земледѣліемъ.

Въ южной Руси землевладѣльцевъ звали просто „люди", или „черные люди", „земяны".

Въ Московскомъ государствѣ крестьяниномъ называли человѣка только тогда, если онъ занимался обработкой земли. Бросалъ человѣкъ тѣхъ временъ землю—переставалъ и называться крестьяниномъ. Тогда онъ становился вольнымъ, гулящимъ человѣкомъ, какъ тогда называли людей, не пристроившихся ни къ какому опредѣленному дѣлу. Заарендовывалъ такой гулящій человѣкъ участокъ земли—это значило, что онъ „порядился во крестьяне", какъ тогда говорили.

По способамъ своей службы родинѣ, тогдашніе люди распадались на два разряда—на „тяглыхъ" и „служилыхъ". Крестьяне и купцы, платившіе

подати, „тянувшіе тягло", назывались тяглыми людьми. Бояре и всѣ тѣ, которые, вмѣсто денежныхъ повинностей, служили сами, главнымъ образомъ, въ войскѣ, назывались служилыми людьми.

Вся разница между тяглыми и служилыми только въ томъ и состояла, что тяглые несли государственныя повинности деньгами, а служилые—службой.

И то и другое было равно необходимо родинѣ и пользовалось законнымъ почетомъ: служилъ человѣкъ больше или платилъ больше, ему и почету было больше, сравнительно съ тѣмъ, который служилъ или платилъ меньше.

Такъ, напримѣръ, за безчестье, т. е. за обиду, гостя—богатаго купца—съ виновнаго брали по суду штрафъ въ 50 руб., тогда какъ безчестье сына боярскаго—мелкаго служилаго человѣка—оцѣнивалось закономъ всего въ 5 рублей. Зато, конечно, за безчестье боярина, большого служилаго человѣка, занимавшаго крупную правительственную должность, приводившаго на царскую службу большой отрядъ вооруженныхъ слугъ, взимался штрафъ большій, нежели за безчестіе гостя.

Крестьяне составляли низшій разрядъ въ населеніи за безчестье крестьянина брали штрафу всего 1 рубль. Но уже одно то, что за безчестье крестьянина взимался штрафъ, указываетъ, что крестьяне въ то время считались такими же сво-

бодными людьми, такими же подданными государства, какъ и люди другихъ занятiй.

Какъ и въ наше время, крестьяне жили тогда въ деревняхъ. Вокругъ небольшой деревянной церковки-обыденки *) размѣщалось, обыкновенно, безпорядочно пять, шесть крестьянскихъ дворовъ, рѣдко больше. То было „сельцо". Церковь ставилась обыкновенно на пригоркѣ, съ котораго можно было увидѣть въ нѣкоторомъ отдаленiи отъ сельца — „деревни", мало похожiя на то, что мы теперь называемъ этимъ именемъ. Тогда деревней называли два, три двора, а то и одинъ—починокъ, возникшiе среди лѣса — деревьевъ,— отсюда и самое названiе—деревня.

Около каждаго двора разстилалось свое пахотное поле, всегда огороженное, ради защиты посѣва отъ дикихъ звѣрей. За оградой тянулся лѣсъ, или шла нетронутая цѣлина. Часто около заселеннаго починка можно было видѣть заброшенную пашню, подлѣ нея развалившуюся избушку, иногда не одну и не двѣ. Брошенныя пашни и покинутыя избы, строившiяся, кстати сказать, очень легко, раскидывались иной разъ на довольно большое пространство. Зато путнику случалось вдругъ среди дремучаго лѣса набрести на расчищенные участки и проѣхать одну за

*) т. е. построенной въ одинъ день.

другой нѣсколько деревень въ два, три двора, встрѣтить даже сельцо.

Такой непривычный для глаза современнаго человѣка видъ тогдашней деревни зависѣлъ отъ того, что крестьянинъ того времени самъ землей владѣть не могъ, а только арендовалъ ее для обработки у Великаго Государя, у монастыря, у служилаго человѣка — вотчинника или помѣщика.

Свободный арендаторъ чужой земли, крестьянинъ, былъ воленъ оставить ее и перейти въ другое мѣсто, къ другому землевладѣльцу, конечно, разсчитавшись съ первымъ. Точно такъ же и землевладѣлецъ могъ согнать со своей земли крестьянина, покончивъ съ нимъ всѣ расчеты по арендѣ.

Въ поискахъ лучшей земли и болѣе легкой обработки, крестьяне переходили отъ одного землевладѣльца къ другому. Поэтому и встрѣчались въ деревняхъ заколоченныя избы, заброшенныя поля.

Каждый крестьянинъ договаривался съ землевладѣльцемъ особо и селился со всей своей семьей, съ дѣтьми, племянниками и братьями на томъ участкѣ земли, какой по уговору заарендовывалъ. Случалось, что и неродственники, сговорившись, снимали вмѣстѣ одинъ участокъ земли.

Обыкновенно, крестьянинъ снималъ столько земли, сколько былъ въ силахъ обработать, зани-

малъ земли „куда топоръ, коса и соха ходили", т. е. насколько силъ хватитъ, отчего и самое пользованіе землей долгое время называлось „посильемъ".

Земля измѣрялась тогда „обжами" на сѣверѣ Россіи и „вытями" въ мѣстахъ около Москвы. Размѣръ выти и обжи зависѣлъ отъ качества почвы. Обыкновенно, выть доброй земли заключала въ себѣ до 18 десятинъ, выть худой—до 24-хъ десятинъ и даже болѣе.

Нѣкоторые крестьяне брали цѣлую выть, другіе половину, третьи четверть, даже одну шестую и восьмую часть.

Снимая у землевладѣльца посильную долю выти или обжи, крестьянинъ въ особомъ письменномъ условіи — „порядной грамотѣ", утверждавшейся начальникомъ — намѣстникомъ или воеводой,— уговаривался съ землевладѣльцемъ, сколько онъ ему долженъ платить за пользованіе землей.

Вотъ одна такая порядная грамота: „Се язъ Никифоръ да язъ Софонтей Васильевы дѣти крестьяне Баслановы, изъ деревни Замошья, дали есмя на себя запись въ томъ, что порядилися есмя за Николу Чудотворца, въ Заверяжьи, на деревню на Липовецъ, на штину ($^{1}/_{6}$ часть) обжи, а взяли есмя подмогѣ два рубля *) да льготы на два года въ монастырь дани не давати и не хо-

*) Около 70 р. по теперешнему счету.

дити на дѣло. А живучи намъ на той деревнѣ, тягло государское всякое тянути съ волостью вмѣстѣ, какъ соху наставимъ; а за ту подмогу намъ и за льготу деревня распахати и поля огородити, и старые хоромы починити, и новые поставити: два хлѣва да мыльня. И какъ пройдутъ тѣ льготные два годы, и намъ давати въ монастырь Николѣ Чудотворцу оброку по рублю на годъ и на дѣло монастырское ходити, какъ иные крестьяне ходятъ. А не отживемъ мы тѣхъ льготныхъ двухъ годовъ, и деревни не расчистивъ, и поль не огородивъ, и хоромъ старыхъ не починивъ, и новыхъ не поставивъ, да пойдемъ вонъ,—и намъ та подмога монастырская, два рубля, по сей записи, отдати слугѣ (монастырскому приказчику) Тимоѳею Павлову".

Въ крупныхъ имѣніяхъ оброки и повинности крестьянъ излагались въ особыхъ уставныхъ грамотахъ или волостныхъ книгахъ. На сколько сложны и многочисленны бывали эти повинности, можно видѣть изъ Уставной грамоты Соловецкаго монастыря, данной крестьянамъ села Пузырева въ 1561 г. Тамъ читаемъ:

„Имати у васъ оброкъ хлѣбной съ 33-хъ вытей, на годъ съ выти по четыре четверти ржи, да четыре четверти овса, въ новую въ городскую мѣру; да съ тѣхъ же вытей на годъ съ выти, на Госпожинъ день по сыру по сухому, а не любъ

сыръ, и за сыръ двѣ деньги; да въ осень на Покровъ Св. Богородицы 50 яицъ, по хлѣбу, да по колачу. А пашню пахать на монастырь въ селѣ Никольскомъ, а сѣяти сѣмены монастырскими, съ выти по четверти ржи да по двѣ четверти овса. А похощетъ прикащикъ сѣяти пшеницу или жито, или горохъ, или гречю, или ленъ, — и крестьяномъ то пахати, на которыхъ десятинахъ прикащикъ излюбитъ. Также волостью на прикащика, и на слугу, на доводчика крестьянамъ рожь на хлѣбы и солодъ на квасъ мологи. Да съ тѣхъ же вытей съ выти привозити на монастырскій дворъ по два возы дровъ полѣнныхъ, да по третьему возу сосновыхъ дровъ на квасы, да по 10 полѣнъ лучины. А повозъ везти къ Вологдѣ съ выти по лошади, а на лошадь везти по четыре четверти ржи, а овса по 6 четвертей... а назадъ везти на тѣхъ же коняхъ на выть по полутретьядцати пудовъ соли... А не случится крестьяномъ котораго году повозъ везти,—ино на нихъ взяти за подводу четыре гривны... А дворъ монастырскій и гумна крестьяномъ подѣловати, и которыя хоромины пристарѣютъ, и въ тѣхъ хоромъ мѣсто новыя хоромы ставити. И прикащика слушати во всемъ, и на монастырское дѣло ходити на солнечномъ всходѣ, какъ десятской вѣсть подастъ. А кто не придетъ, на томъ заповѣди (т. е. штрафу) прикащику двѣ

деньги. А коли прикащикъ позоветъ на монастырское дѣло крестьянъ въ честь, сверхъ урочнаго дѣла, и кто придетъ — и прикащику тѣхъ людей кормити монастырскимъ хлѣбомъ".

Земля въ то время, особенно въ нашемъ климатѣ, при тогдашнихъ очень грубыхъ и неумѣлыхъ способахъ обработки, доставляла много затрудненій земледѣльцу. На новяхъ дикую, поросшую вѣковымъ лѣсомъ землю, приходилось расчищать и воздѣлывать, передъ тѣмъ, какъ засѣять, съ большимъ трудомъ.

Для обработки земледѣлецъ нуждался въ рабочемъ скотѣ и орудіяхъ, для засѣва нужны были сѣмена, да, сверхъ того, приходилось имѣть подъ рукой хлѣбъ для прокорма, пока земля не принесетъ свой плодъ. Кромѣ того, надо было заплатить подати.

На все это своихъ средствъ и взятыхъ при наймѣ земли у помѣщика „подможныхъ денегъ" часто не хватало. Тогда новоселъ-арендаторъ шелъ къ землевладѣльцу и просилъ у него взаймы денегъ на обзаведенье. Землевладѣльцы охотно исполняли такія просьбы. Давали денегъ взаймы, уступали въ пользованіе крестьянину корову, лошадь, давали сѣмянъ, самую соху и борону, но брали съ крестьянина особую запись, въ родѣ векселя, или, по тогдашнему, „кабалу". Въ кабальной записи прописывалось: сколько

далъ крестьянинъ взаймы, устанавливался срокъ уплаты, проценты. Въ счетъ уплаты за аренду, за взятые взаймы деньги, сѣмена, орудія, лошадь крестьянинъ долженъ былъ работать на помѣщика, обрабатывать хозяйскую землю.

Вотъ одна такая кабала:

„Се язъ Өедоръ, да язъ Олешко, да язъ Иванко Омельяновы дѣти Мироѣдовы, заняли есмя у Елпацкаго казначея, у старца Корнилія, полтину денегъ монастырскаго серебра отъ Юрьева дня осенняго до Юрьева дня на годъ. А на то намъ серебро давати ростъ на пять шестой, (т. е. 20%) а по сроцѣ по тому же — на пять шестой. А въ сребрѣ есмя и въ росту всѣ насъ—одинъ человѣкъ, который насъ въ лицѣ, на томъ деньги и ростъ на любомъ. А на то послухи: Колышко, Дементіевъ сынъ, да Өедоръ Рѣла, Семеновъ сынъ. А кабалу писалъ Лучка, Өедоровъ сынъ. Лѣта 7032".

„Уйти отъ хозяина крестьянинъ могъ только разсчитавшись съ нимъ, т. е. уплативъ ссуду — „боярское серебро",—выплативъ аренду, да еще внеся, такъ называемое, „пожилое", — сборъ, взимавшійся съ крестьянъ, какъ бы за пользованіе хозяйскимъ дворомъ и избой. Въ концѣ концовъ получалась довольно крупная сумма, собрать и выплатить которую для крестьянина было очень трудно.

Обыкновенно эти переходы крестьянъ соверша-

лись по окончаніи сельскихъ работъ или передъ началомъ. Чаще по окончаніи, а именно около Юрьева дня осенняго (26-е ноября).

Этотъ срокъ установился самъ собой, вытекалъ изъ самаго свойства земледѣльческаго труда: землевладѣльцу было невыгодно согнать крестьянина съ земли передъ жатвой и до окончанія молотьбы, крестьянину точно такъ же не представлялось никакихъ выгодъ бросать свой участокъ, не сжавъ посѣяннаго хлѣба.

Благодаря такой необходимости и установился обычай отходить крестьянамъ осенью, по окончаніи сельскихъ работъ.

Но установленный обычаемъ срокъ не былъ достаточно твердъ. Несмотря на обычай, недовольный всегда могъ разсчитаться съ хозяиномъ среди лѣта и уйти. Отъ такихъ случаевъ терпѣлъ убытки хозяинъ, терпѣлъ и крестьянинъ. Тогда по закону былъ установленъ одинъ срокъ для перехода крестьянъ, именно: обычный Юрьевъ день. „А крестьянамъ отказываться,—гласилъ законъ,—изъ волости въ волость, и изъ села въ село одинъ срокъ въ году: за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣля послѣ Юрьева дня осенняго".

Какъ только наступало 26-ое ноября—Юрьевъ день—все крестьянство Московскаго государства приходило въ движеніе. Кто могъ и хотѣлъ, тотъ разсчитывался со своимъ хозяиномъ, собиралъ

свой скарбъ, какой былъ, привязывалъ къ возу за рога корову, коли она имѣлась, и со всей семьей отправлялся на новыя мѣста, къ новому землевладѣльцу, о которомъ приходилось слышать хорошіе отзывы.

Хозяева, обыкновенно, очень неохотно отпускали со своей земли желавшаго уйти крестьянина и, разсчитываясь съ нимъ, старались насчитывать на него, какъ можно больше; уходившіе же крестьяне всячески стремились показать, что ихъ долгъ гораздо меньше, нежели говоритъ хозяинъ.

Отсюда возникали споры и ссоры, доходившіе до драки, а затѣмъ и до суда.

Чѣмъ дольше заживался крестьянинъ на землѣ какого-либо одного помѣщика, тѣмъ тяжелѣе становилось ему разсчитаться съ нимъ, слѣдовательно, и уйти. Долгъ все росъ и становился наконецъ неоплатнымъ. Къ концу 16-го вѣка громадное большинство русскаго крестьянства потеряло вслѣдствіе задолженности возможность уйти отъ одного землевладѣльца къ другому и крѣпко осѣло на той землѣ, къ которой привязывалъ ихъ долгъ.

Имѣя право уйти отъ хозяина, когда хочетъ, крестьянинъ тѣхъ временъ часто не можетъ сдѣлать этого, потому что не въ состояніи разсчитаться съ помѣщикомъ. При тогдашней общей

бѣдности крестьянства такіе случаи бывали не рѣдки.

Бѣдность тогдашняго крестьянства неминуемо вырастала изъ тѣхъ условій, среди которыхъ приходилось въ то время жить крестьянамъ. Постоянныя войны, которыя нужно было тогда вести Московскому правительству, вызывали постоянныя требованія отъ крестьянъ людей и денегъ. Налоги особенно увеличились къ концу 16-го вѣка. Но съ этой тягостью тогдашнее крестьянство, можетъ быть, и справилось бы, если бы не неустойчивыя условія его сельско-хозяйственной дѣятельности. Надо помнить, что крестьянамъ 16-го вѣка приходилось арендовать землю у помѣщиковъ, т.-е. у людей, которые сами-то владѣли этой землей не твердо. Помѣщики получали землю за службу, какъ жалованье, отъ царя. Этимъ жалованьемъ помѣщики не имѣли права распоряжаться по своему желанію, они только пользовались имъ, пока служили. Правительство всегда могло уменьшить помѣстье, взять его у одного владѣльца и передать другому, оставить за собой.

Съ одной стороны, такая нетвердость помѣстья за владѣльцемъ и его потомствомъ пріучала помѣщика къ мысли, что не стоитъ класть много труда въ обработку земли—все равно плоды его трудовъ и заботъ достанутся другимъ,

совершенно чуждымъ ему, людямъ. Отсюда возникало у тогдашнихъ помѣщиковъ желаніе извлечь изъ помѣстья, пока оно еще въ его рукахъ, все, что можно. Это стремленіе прежде всего выражалось въ требованіяхъ съ крестьянъ большихъ оброковъ.

Съ другой стороны, и крестьяне помѣстій, чувствуя себя, такъ сказать, гостями гостей, заботились объ одномъ—прокормить себя, удовлетворить требованія помѣщика, отбыть казенные платежи. Работали они поэтому черезъ силу, плохо, земля истощалась, хлѣбъ родился плохой, были часты неурожаи, а за ними шли голодовки, въ конецъ разорявшія крестьянство.

Можно привести не одинъ примѣръ того, какъ разорительно отражались на крестьянствѣ стремленія помѣщиковъ тѣхъ временъ взять съ помѣстья скорѣй все, что только можно взять.

Въ самомъ концѣ 16-го вѣка, въ селѣ Погорѣлицахъ, Владимирскаго уѣзда, жилъ „во крестьянахъ" нѣкто Иванъ Сакуровъ. Въ 1599 году Погорѣлицы были пожалованы въ помѣстье сыну боярскому Ѳедору Соболеву. Новый помѣщикъ, въ отсутствіе Сакурова, явился къ нему на дворъ и произвелъ тамъ полный разгромъ: забралъ себѣ троихъ „старинныхъ людей" хозяина, т. е. его холоповъ-батраковъ, увелъ лошадь, корову,

быка, четырехъ овецъ, взялъ у жены Сакурова деньгами 1 рубль 35 алтынъ (рублей сорокъ на наши деньги), увезъ къ себѣ, сколько могъ, ржи, овса, ячменя, конопли и „трои пчелъ“, т. е. три колоды пчелъ. Мало того: когда Сакуровъ вернулся, помѣщикъ присвоилъ себѣ его дворъ. Понятно, что потерпѣвшему, по его словамъ, стало послѣ этого „прожити немочно“. Пока длился судъ да дѣло, да и послѣ того, какъ оно кончилось, такому обиженному судьбой приходилось снова создавать свое хозяйственное благополучіе и для начала или „поряжаться во крестьяне“ за какого-либо иного помѣщика, забирая у него взаймы и безъ конца должая, или бѣжать въ степь, за Оку, занимать тамъ землю подъ носомъ у татаръ, быть постоянно готовымъ къ смерти отъ татарской сабли или къ плѣну, приводившему къ турецкой „каторгѣ“. А могло быть, и часто бывало такъ, что займетъ крестьянинъ въ степи заимку, начнетъ ее обработывать, только подымется на ноги, и вдругъ приказъ изъ Москвы — дастся вся земля въ той мѣстности, гдѣ этотъ крестьянинъ первый провелъ борозды, сыну боярскому такому-то „за его многія службы“, и жди-гадай крестьянинъ, каковъ-то будетъ новый помѣщикъ, какъ можно будетъ ужиться съ нимъ.

Въ большинствѣ случаевъ, конечно, ужива-

лись, потому что помѣщику тоже было невыгодно терять крестьянина.

Но тяжела была эта неизвѣстность того, что будетъ, эта неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, необходимость думать о немъ постоянно.

Иностранцы, посѣщавшіе въ то время Россію, единогласно говорятъ, что крестьянамъ Московскаго государства жить трудно, такъ какъ ихъ имущество „не защищено отъ посягательствъ сильныхъ, т. е. кредиторовъ-землевладѣльцевъ и сборщиковъ казенныхъ платежей.

Помѣщики и ихъ приказчики и старосты, собирая съ крестьянъ ихъ повинности, дѣлали это съ большой суровостью. Неисправныхъ плательщиковъ морили голодомъ и „нещадно" били, отбирали за оброкъ то скотъ, то улья, то хмель. Но случалось, что съ обѣднѣвшаго крестьянина и взять было нечего нѣтъ ни коровы, ни лошади, ни другой животины, а, вмѣсто хлѣба въ закромахъ,—на дворѣ стоитъ возъ лебеды. „Мы на тѣхъ бѣдныхъ деньги правили,—писалъ одинъ тогдашній приказчикъ своему хозяину,—а они кричатъ: взять негдѣ". Приходилось давать отсрочки такимъ бѣднякамъ, давать имъ снова взаймы и тѣмъ еще больше привязывать ихъ къ мѣсту и лишать возможности уйти къ другому помѣщику. Преподобный Максимъ Грекъ въ одномъ изъ своихъ поученій такъ свидѣтельствуетъ о

дурномъ обращеніи землевладѣльцевъ съ задолжавшими имъ крестьянами: „Аще кто за послѣднюю нищету не можетъ дати готовый ростъ за пріидущій годъ, оле, безчеловѣчія! другій ростъ истязуемъ отъ него, и аще не могутъ отдати, разграбимъ стяжаница ихъ... аще же кто отъ нихъ, изнемогъ тягостію налагаемыхъ имъ безпрестанне отъ насъ трудовъ и дѣланій, восхощетъ индѣ нѣгдѣ переселитися, не отпущаемъ его, аще не положитъ уставленный оброкъ, о немъ же толика лѣта жилъ есть въ нашемъ селѣ".

Задолжавшіе неоплатно помѣщикамъ крестьяне, не будучи въ состояніи разсчитаться и уйти отъ хозяевъ, начинаютъ бѣгать безъ расплаты.

Мы знаемъ, куда спасалось бѣгствомъ тогдашнее крестьянство. Московское государство сводило въ то время счеты съ давнишними притѣснителями Руси — татарами. Завоевало Казань и Астрахань и довольно удачно отбивалось отъ крымцевъ. Паденіе татарскихъ царствъ по Волгѣ и постройка цѣлой оборонительной линіи городковъ-крѣпостей по южной степной границѣ открыли и обезопасили для заселенія пустовавшія до того богатыя земли заокскаго и нижневолжскаго чернозема. Крестьяне и бѣжали туда.

Эти побѣги крестьянъ, во второй половинѣ 16-го вѣка достигаютъ огромныхъ размѣровъ: пустѣютъ цѣлыя вотчины, попадаются такія, въ

которыхъ изъ сотенъ населенія осталось всего нѣсколько бобылей—маломочныхъ крестьянъ; въ другихъ никого не осталось, а пашни поросли лѣсомъ. По разсказу одного англичанина, посѣтившаго въ то время Россію, по дорогѣ изъ Вологды въ Ярославль, на разстояніи 100 англійскихъ миль, стояло до 50 селеній, иногда очень большихъ, но совершенно оставленныхъ—стоятъ полуразвалившіяся избы, тянутся заброшенныя полосы, а дороги поросли такой травой, что и не продраться. Въ Муромѣ въ 1566 г. числилось 587 жилыхъ домовъ, а черезъ восемь лѣтъ, въ 1574 г., жилыхъ домовъ осталось всего 111, остальные же 476 опустѣли.

Рабочихъ рукъ становилось поэтому въ наиболѣе населенной, около-московской, части государства все меньше; добывать рабочую силу землевладѣльцамъ дѣлалось все труднѣе, и это не потому только, что много крестьянъ разбѣжалось, но вслѣдствіе того, что большинство тогдашняго крестьянства сидѣло крѣпко на мѣстѣ, привязанное задолженностью землевладѣльцамъ. При такихъ обстоятельствахъ случалось, что у одного хозяина скоплялось задолжавшихъ ему крестьянъ больше, чѣмъ для его хозяйства требовалось, другому же не хватало. Тогда, по нуждѣ, крестьянскій переходъ превратили въ обычай своза крестьянъ.

Обыкновенно, владѣльцу, на землѣ котораго си-

дѣло много задолжавшихъ ему крестьянъ, другой хозяинъ, нуждавшійся въ рабочихъ, предлагалъ уступить ему часть за выплату ихъ долга. Случалось и такъ, что нуждавшіеся въ крестьянахъ хозяева и просто подговаривали задолжавшихъ другому владѣльцу крестьянъ бросить ихъ хозяина и перейти къ нимъ, при чемъ брались уплатить ихъ долгъ. Богатые землевладѣльцы держали даже особыхъ „отказчиковъ"—людей, которые только тѣмъ и занимались, что ѣздили изъ села въ село и подговаривали крестьянъ переходить на земли тѣхъ, кому отказчики служили. Если тотъ хозяинъ, у котораго „отказывали" такимъ путемъ крестьянъ, самъ нуждался въ работникахъ, то дѣло доходило до драки и смертнаго убійства.

Какъ только приближался Юрьевъ день, и по селамъ покажутся, бывало, отказчики, переодѣтые странниками, купцами, прасолами, такъ и начинались у помѣщиковъ усиленныя заботы по охранѣ своихъ крестьянъ: -какъ бы не сбѣгли. Помѣщикъ вооружалъ своихъ холопей, днемъ и ночью ходилъ дозоромъ, присматривался и прислушивался—не видать ли отказчика, не собирается ли кто изъ крестьянъ уйти.

Дорожить такъ крестьянами заставляло помѣщика то, что безъ нихъ его земля могла остаться безъ обработки, самъ онъ, слѣдовательно, безъ хлѣба и безъ средствъ нести государеву службу.

Особенно страдали отъ крестьянскихъ побѣговъ и уходовъ мелкіе служилые люди, на земляхъ которыхъ крестьянамъ жилось тяжелѣе, потому что мелкій помѣщикъ ни помочь въ большихъ размѣрахъ крестьянину деньгами и хлѣбомъ, ни заступиться за него передъ судомъ или чиновниками не могъ такъ успѣшно, какъ какой-нибудь большой, родовитый бояринъ или богатый монастырь.

Мелкіе и средніе помѣщики поэтому давно стали осаждать правительство просьбами о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, о запрещеніи крестьянскихъ переходовъ.

Правительство тѣмъ охотнѣе выслушивало эти жалобы, что отъ крестьянскихъ побѣговъ и переходовъ оно само терпѣло убытки.

Подати въ то время собирались съ обрабатываемой земли. Платить, значитъ, приходилось только тому крестьянину, который обрабатывалъ землю. Если случалось, что крестьянинъ снималъ землю, на которой было уже раньше засѣяно озимое, то онъ платилъ только съ ярового, засѣяннаго имъ самимъ.

Чтобы получать подати во-время и вѣрно, правительство собирало ихъ не съ каждаго крестьянина отдѣльно, а со всей деревни разомъ, сколько приходилось со всей распаханной земли. Крестьяне деревни сами ужъ должны были распредѣлить между собой, кому изъ нихъ сколько слѣдуетъ.

внести, чтобы составилась требуемая казной сумма. Для разверстки этой суммы крестьянамъ приходилось сходиться и сговариваться, а для завѣдыванія самымъ сборомъ выбирать особыхъ старостъ.

При такомъ способѣ сбора податей для крестьянъ было очень невыгодно, если кто-либо изъ ихъ однодеревенцевъ переходилъ къ другому землевладѣльцу, на другую деревню. Вѣдь, тогда въ деревнѣ становилось однимъ плательщикомъ менѣе, долю подати, платившуюся ушедшимъ, приходилось раскладывать на оставшихся, потому что государству, казнѣ, не было дѣла до отдѣльныхъ уходовъ. Каждому изъ оставшихся въ деревнѣ становилось поэтому тяжелѣе.

Понятно, что крестьяне всячески старались удерживать односельчанъ, желавшихъ уйти. Коли не дѣйствовали уговоры, пускали въ ходъ силу, требовали, чтобы уходившій, по крайней мѣрѣ, замѣстилъ себя другимъ крестьяниномъ.

Правительство со своей стороны охотно помогало крестьянамъ удерживать желавшихъ уходить. Для казны являлось очень неудобнымъ, что крестьяне не сидятъ крѣпко на разъ опредѣленныхъ мѣстахъ, такъ какъ вслѣдствіе этого происходили большія затрудненія въ сборѣ податей. Поэтому-то, ради казенныхъ выгодъ, еще въ первой половинѣ 16-го вѣка было запрещено кре-

стьянамъ, жившимъ на „черныхъ", т. е. на государевыхъ земляхъ, переходить на земли какихъ-либо другихъ владѣльцевъ.

Желая полегчить себѣ хоть тѣмъ, чтобы не платить казенныхъ податей, крестьяне стали продаваться въ холопство помѣщикамъ, т. е. въ рабство. Холопы, рабы, считались собственностью своихъ господъ, ихъ вещью, и податей не платили.

Такъ какъ запись въ холопство отнимала у государства плательщиковъ, то въ 1550 г. было запрещено по закону крестьянамъ продаваться въ холопы.

Къ концу 16-го вѣка, когда, вслѣдствіе войнъ царя Ивана, чрезвычайно возросъ податной гнетъ, а съ другой стороны, кромѣ Заокскихъ земель и Поволжья, открылись для заселенія Сибирскія страны, чрезвычайно усилились побѣги крестьянъ.

Заселеніе степей крестьянами было выгодно правительству: обрабатывалась и укрѣплялась, благодаря этому, за Россіей огромная полоса земли. Но жалобы служилыхъ людей, лишавшихся рабочихъ рукъ, большія пространства заброшенныхъ пашенъ въ срединѣ государства, происходившія отсюда затрудненія въ сборѣ податей, обезлюденіе средины государства, „бои и грабежи", страшно усилившіеся при свозѣ крестьянъ,

залежи въ судахъ дѣлъ объ этихъ бояхъ и грабежахъ, множество нерѣшенныхъ исковъ помѣщиковъ о возвращеніи имъ ихъ бѣглыхъ должниковъ-крестьянъ, — все это заставило правительство посмотрѣть на дѣло и съ другой стороны. И вотъ правительство царя Ѳедора Ивановича и Бориса Годунова издаетъ рядъ указовъ, касающихся крестьянскихъ побѣговъ.

Первый такой указъ относится къ 1597 г. Въ немъ говорится, что „которые крестьяне изъ-за бояръ, изъ-за дворянъ, и изъ-за другихъ владѣльцевъ изъ помѣстій и вотчинъ выбѣжали до нынѣшняго 1597 г. за 5 лѣтъ, тѣ подлежатъ возвращенію на старыя земли; тѣ же, которые бѣжали болѣе чѣмъ за 5 лѣтъ до указа, возвращенію не подлежатъ, и зависимость ихъ отъ прежнихъ владѣльцевъ уничтожается“. Указъ этотъ прямо имѣлъ въ виду освобожденіе судебныхъ учрежденій отъ громаднаго числа скопившихся тамъ исковъ землевладѣльцевъ о возвращеніи имъ ихъ бѣглыхъ должниковъ-крестьянъ.

Въ 1601 г. царь Борисъ издаетъ указъ, въ силу котораго свозить другъ у друга крестьянъ позволяется только мелкимъ землевладѣльцамъ и притомъ не болѣе двухъ за одинъ разъ, землевладѣльцы же крупные совсѣмъ лишаются права отказывать крестьянъ. Въ 1602 г. указъ этотъ былъ повторенъ, при чемъ отказывать крестьянъ позво-

лялось только съ согласія самихъ отказываемыхъ. Изложенными указами царь Борисъ думалъ пресѣчь передвиженіе крестьянства на земли крупныхъ владѣльцевъ и задержать опустѣніе земель мелкихъ. Сдѣлать это являлось необходимымъ потому, что изъ мелкихъ землевладѣльцевъ состояла чуть не вся военная сила государства. Исправными воинами эти мелкіе землевладѣльцы могли быть только тогда, когда были сыты, т. е. когда получали достаточный доходъ со своихъ помѣстій, чего не могло быть при недостачѣ на ихъ помѣстьяхъ рабочихъ рукъ. Запрещая крупнымъ владѣльцамъ отказъ крестьянъ и сохраняя право его за мелкими, правительство стремилось обезпечить мелкимъ владѣльцамъ рабочую силу. Но, ограничивая такимъ путемъ свозъ, указы еще болѣе стѣсняли свободу передвиженія крестьянъ: задолжавшему крестьянину теперь не остается никакого выхода изъ его тяжелаго положенія, кромѣ бѣгства.

Насколько медленно и неправильно происходитъ къ концу 16-го вѣка передвиженіе крестьянства, можно судить по такому примѣру. Въ Тверской вотчинѣ князя Симеона Бекбулатовича, состоявшей изъ 20 селъ и 473 деревень при 2217 крестьянахъ, въ 5 лѣтъ, съ 1575 г. по 1580-й, ушло всего 305 чел. При чемъ изъ этихъ 305 чел. только 53 смогли разсчитаться съ хозяиномъ, 63 бѣжали безъ

расчета и 188 были вывезены. На мѣсто ушедшихъ 305 чел. порядилось вновь всего 27 чел. Приведенныя цифры прежде всего показываютъ, что крестьяне въ этой богатой вотчинѣ сидятъ на мѣстѣ твердо, потому что или привыкли къ мѣсту, или задолжали до того, что не въ состоянiи уйти.

Что же представляетъ изъ себя крестьянинъ конца 16-го вѣка?

По закону онъ все еще продолжаетъ считаться свободнымъ арендаторомъ чужой земли, но на дѣлѣ, задолжавъ неоплатно своему хозяину, онъ прикрѣпляется, по тогдашнему обычаю, къ своему кредитору, т. е. становится въ положенiе холопа.

Государство, которому такой оборотъ дѣла грозитъ потерей большого количества плательщиковъ, стремится оградить крестьянъ отъ холопства. Но заботы о казенныхъ выгодахъ и о содержанiи военной силы заставляютъ правительство ограничить по закону право крестьянскаго перехода и почти уничтожить отказы. Тѣмъ самымъ крестьяне крѣпче привязываются къ мѣсту, гдѣ ихъ захватилъ долгъ, къ уплатѣ податей и къ содержанiю служилыхъ людей.

Въ дѣйствительной жизни получалось, что стѣсненный по закону въ своемъ правѣ перехода крестьянинъ конца 16-го вѣка, задолжавшiй неоплатно помѣщику, землю у котораго онъ арен-

довалъ, стоитъ на холопьемъ положеніи: онъ слишкомъ ужъ зависитъ отъ помѣщика, чтобы тотъ не рѣшался злоупотреблять своею властью.

Въ концѣ концовъ, крестьянинъ того времени—полу-холопъ, полу-свободный: законъ считаетъ его свободнымъ, а жизнь ставитъ его въ такое положеніе, что землевладѣлецъ можетъ обращаться съ нимъ, какъ съ рабомъ, съ холопомъ.

Расплатившись съ землевладѣльцемъ, крестьянинъ можетъ и теперь уйти отъ него, но этимъ правомъ въ данное время мало кто пользуется. Къ этому привели бѣдность, породившая неоплатный долгъ, и привычка къ мѣсту крестьянина, засидѣвшагося долго за однимъ помѣщикомъ.

Изъ всего этого и выросла крѣпостная зависимость, т. е. власть помѣщика неограниченно распоряжаться задолжавшимъ ему крестьяниномъ, живущимъ на его землѣ.

II.

Начало 17-го в., первыя его 13 лѣтъ, ознаменовано въ нашей исторіи событіемъ, которое мы привыкли называть „Смутнымъ временемъ", а тогдашніе русскіе люди называли „великой розрухой Московскаго государства".

Суть этого событія состояла въ томъ, что со смертью царя Ѳедора, сына Ивана Грознаго, прекратился родъ московскихъ царей, и русскіе люди, раздѣлявшіеся тогда на особые разряды, или „чины", соотвѣтствовавшіе нашимъ сословіямъ, смутились.

До описываемаго времени всякій „чинъ" зналъ свое дѣло: служилъ лично или платилъ подать государю—хозяину всей земли. Бояринъ засѣдалъ въ царской думѣ, служилъ воеводой, правилъ всякое „великое дѣло государево". Дворяне, служилые люди, справляли военную службу и за это получали жалованье землей—помѣстья. Крестьяне арендовали государеву или служилую землю, кормили тѣмъ самымъ служилыхъ людей и платили подати, а въ военное время выставляли „посоху", „даточныхъ людей".

Теперь государя не стало, наступило страшное время самозванщины, когда нельзя стало разобрать — кто же правитъ Русью. Тогда каждый изъ „чиновъ" Московскаго государства началъ

служить тому изъ самозванцевъ, отъ котораго ожидалъ больше льготъ для себя. Это внутреннее замѣшательство усилили внѣшніе враги—поляки и шведы, напавшіе тогда на Русь. Для отпора имъ и для устраненія смуты слѣдовало бы всѣмъ объединиться, но такое единеніе долго никакъ не могло наладиться, и тому было много причинъ.

Еще войны царя Ивана сильно разстроили государство требованіемъ усиленной службы отъ служилыхъ людей и усиленныхъ платежей съ крестьянства. Во время смуты то и другое усилилось еще болѣе.

Побуждаемые необходимостью, служилые люди всячески старались закабалить крестьянство, подѣлать изъ вольныхъ арендаторовъ подневольныхъ слугъ. Въ порядныхъ грамотахъ и кабалахъ начинаютъ съ этого времени чаще встрѣчаться условія, на основаніи которыхъ крестьянинъ, забирая взаймы у помѣщика, напередъ отказывался отъ права уплатить долгъ, т. е. освободиться отъ обязательной подневольной работы на заимодавца.

Поступать такъ заставляла крестьянъ нужда, достигавшая, особенно во время часто свирѣпствовавшихъ тогда голодовокъ, огромныхъ размѣровъ. Во время голода при царѣ Борисѣ народъ умиралъ десятками тысячъ, трупы умершихъ валялись по улицамъ и дорогамъ, такъ

какъ некому было хоронить. Отъ голода ѣли человѣческое мясо. Желавшихъ продаться въ холопы, только бы попасть къ кому-нибудь на хлѣба — было столько, что для новыхъ холоповъ не находилось господъ. Многіе отпускали на волю и прежнихъ, только бы не кормить ихъ. Большія дороги сдѣлались непроходимыми отъ разбойниковъ, казачьи поселенія по Дону разрослись до большихъ размѣровъ, и все благодаря бѣглымъ крестьянамъ, искавшимъ столько же воли, сколько и хлѣба.

Когда началась смута, бѣглые вернулись казаками и въ отместку за все то, что заставило ихъ бѣжать съ родины, жестоко разоряли русскую землю. Крестьянство, оставшееся дома, тоже воспользовалось смутой, чтобы встать на тѣхъ, кого считало своими притѣснителями. Отсюда вытекала та необыкновенная жестокость, съ которой русскіе люди рѣзались во время смуты другъ съ другомъ. Поляковъ, далеко не отличавшихся мягкосердечіемъ въ обращеніи съ плѣнными, бросало въ дрожь при видѣ тѣхъ мученій, которымъ русскіе люди подвергали своихъ же соотечественниковъ, если видѣли въ нихъ враговъ.

Когда смута кончилась избраніемъ новаго, всѣмъ „чинамъ" угоднаго царя—Михаила Ѳедоровича Романова, государство оказалось во всѣхъ отношеніяхъ разореннымъ. Не было ни порядка, ни устройства. Многіе города обезлюдѣли. Иностранцы, прі-

ѣзжавшіе въ то время въ Россію, разсказываютъ, какъ имъ на пути попадались цѣлыя деревни, избы которыхъ были наполнены неубранными трупами. Земля обезлюдѣла до того, что на помѣстье въ 100 десятинъ приходилось, въ общемъ, не болѣе двухъ крестьянъ.

Такъ дѣло обстояло и въ далекихъ сѣверныхъ областяхъ, и въ южныхъ, гдѣ началась и губительнѣе всего свирѣпствовала неурядица, именуемая Смутнымъ временемъ. Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ вотчинахъ Бѣлозерскаго монастыря до 1612—13 годовъ считалось 1231 крестьянскихъ дворовъ, взрослыхъ мужчинъ въ этихъ дворахъ числилось 1450 чел.; пахали эти дворы 6083 1/3 четверти пашни и собирали 18765 копенъ сѣна. Въ 1617—18 годахъ, въ тѣхъ же вотчинахъ считается всего только 145 дворовъ, въ нихъ 145 взрослыхъ мужчинъ, а пашутъ они всего 253 1/6 четверти земли и собираютъ 8366 копенъ сѣна.

Въ трехъ станахъ Орловскаго уѣзда въ 1595 году считалось 752 двора, 816 взрослыхъ мужчинъ, а въ 1625 году числится уже только 51 дворъ и 76 взрослыхъ мужчинъ.

Отъ служилыхъ людей за все время смуты и долго послѣ нея требовалась усиленная служба. Справлять службу сколько-нибудь порядочно представлялось возможнымъ лишь тогда, если за служилымъ человѣкомъ жило достаточно кресть-

янъ, иначе откуда же онъ, занятый всю жизнь на службѣ, могъ достать средства на вооруженіе и на прокормъ во время похода? Теперь эти средства приходилось выжимать съ обнищавшаго крестьянства, искавшаго въ бѣгствѣ спасенія отъ усилившейся тяготы.

Но такъ какъ искать бѣглыхъ дозволялось по закону всего 5 лѣтъ, срокъ очень небольшой, то служилые люди стали просить правительство объ отмѣнѣ сроковъ для сыска бѣглыхъ.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ желанія служилыхъ людей сходились съ выгодами правительства, то оно охотно шло навстрѣчу ихъ желаніямъ. Еще указомъ 1607 г., при царѣ Василіи Шуйскомъ, велѣно было не только хватать бѣглыхъ крестьянъ и возвращать ихъ прежнимъ хозяевамъ, но и взыскивать съ нихъ штрафъ за побѣгъ и пеню въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ хозяиномъ. Этотъ указъ имѣлъ большое значеніе для дальнѣйшей судьбы владѣльческихъ крестьянъ. До изданія его бѣгство крестьянъ не считалось преступленіемъ—бѣглыхъ только хватали и возвращали къ прежнимъ хозяевамъ, теперь за бѣгство наказываютъ.

При царѣ Михаилѣ срокъ для сыска бѣглыхъ удвоили, назначили въ 10 лѣтъ. Но, по мнѣнію мелкихъ землевладѣльцевъ, и этого было слишкомъ мало. Ссылаясь на то, что крупному вла-

дѣтелю очень легко, сманивъ крестьянина у мелкаго служилаго человѣка, скрывать его въ своихъ дальнихъ вотчинахъ 10 лѣтъ, а потомъ владѣть имъ по закону, они продолжали усиленно ходатайствовать о совершенной отмѣнѣ срока для сыска. Въ 1647 г. правительство увеличиваетъ этотъ срокъ еще на 5 лѣтъ, а на будущее время, для крестьянъ, которые побѣгутъ или будутъ вывезены послѣ 1647 г., срокъ сыска отмѣнялся совсѣмъ: *ихъ позволялось искать и требовать по суду назадъ всегда, безъ срока.*

Въ 1649 г. при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Земскій Соборъ—собраніе выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ государства,—утвердилъ общее собраніе законовъ „Уложеніе“. Оно и дало крестьянству 17-го вѣка окончательное устройство, прикрѣпивъ его безповоротно къ землѣ рѣшительнымъ запрещеніемъ переходовъ и своза крестьянъ.

По Уложенію крестьяне прикрѣпляются къ тѣмъ участкамъ, на которыхъ они были записаны въ Писцовыхъ книгахъ 1625 г., т. е. въ поуѣздныхъ описяхъ земли и населенія, составленныхъ при царѣ Михаилѣ. Прикрѣпленіе касалось не однихъ только домохозяевъ, но и распространялось на ихъ семейства, на живущихъ при отцѣ дѣтей, братьевъ и племянниковъ. Подтверждалось, что срока для сыска бѣглыхъ нѣтъ, свозъ также отмѣнялся. Принявшій бѣглаго или свезшій крестьянина у дру-

гого владѣльца, обязывался выдать его обратно и уплатить по 10 руб. за каждый годъ незаконнаго владѣнія трудомъ бѣглаго крестьянина. Такое рѣшительное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ отмѣчается въ Уложеніи, какъ новая, еще небывалая мѣра. „По нынѣшній государевъ указъ,—читаемъ въ 11-ой гл. Уложенія ст. 3,—государевой заповѣди не было, чтобы никому за себя крестьянъ не принимати, а указаны были крестьяномъ урочные годы“.

Уже къ концу 16-го вѣка Юрьевъ день лишился почти всякаго значенія въ жизни, но все же, при исключительныхъ обстоятельствахъ, крестьянинъ, имѣя право разсчитаться со своимъ хозяиномъ, могъ уйти отъ него.

Со дня изданія Уложенія крестьяне потеряли это право, и Юрьевъ день остался жить только въ памяти крестьянства, живо поддерживавшейся тѣми дѣдушками и бабушками, которые знали и помнили Юрьевъ день. Съ тѣхъ поръ, въ отвѣтъ на эти воспоминанія, пошла жить и дожила до нашего времени поговорка: вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!

Итакъ, по Уложенію, крестьяне обязывались крѣпко сидѣть на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застали Писцовыя книги 1625 г., но Уложеніе вовсе не хотѣло сказать, что крестьяне становятся лично зависимыми отъ помѣщиковъ, на земляхъ ко-

торыхъ обязуются сидѣть. Охраняя крестьянъ, какъ плательщиковъ податей, Уложеніе считаетъ ихъ свободными и строго запрещаетъ владѣльцу земли брать съ нихъ запись въ холопство, а крестьянамъ давать ее, грозя въ противномъ случаѣ наказаніемъ кнутомъ и ссылкой въ Сибирь. По Уложенію помѣщикъ не имѣлъ права оторвать свободнаго по закону крестьянина, обязаннаго жить на его землѣ, отъ земли, т. е. не могъ перевести его изъ одной деревни въ другую, взять для службы у себя во дворѣ и т. п. Выходитъ, такимъ образомъ, что Уложеніе, прикрѣпляя крестьянина къ землѣ, хочетъ только закрѣпить за землевладѣльцемъ рабочія руки, и вовсе не имѣетъ въ виду отдать крестьянина въ полное распоряженіе помѣщика. Законъ смотритъ на обѣ стороны, какъ на хозяина и работника, а не какъ на господина и раба.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Уложеніе дозволяло отрывать крестьянъ отъ земли и тѣмъ самымъ какъ бы отдавало ихъ и въ личную зависимость отъ помѣщиковъ. Такъ, напримѣръ, Уложеніе дозволяетъ свозъ крестьянъ съ одной земли на другую, когда у помѣщика отбиралась земля населенная и давалась пустопорожняя. Также, если какой-либо помѣщикъ убивалъ крестьянина у другого, то обязывался вознаградить потерпѣвшаго однимъ изъ крестьянъ со своей земли.

Главной причиной такихъ крупныхъ отступле-

ній отъ основнаго смысла закона является то, что правительству необходимо было заботиться о военной силѣ государства—помѣщикахъ. Сыты, т. е. годны къ службѣ, они могли быть лишь тогда, когда владѣли достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, поэтому-то и приходилось беречь за ними крестьянскую рабочую силу, дѣлая ради этого даже отступленія отъ основного смысла закона. Къ тому же, случаи отрыванія крестьянъ отъ земли ради выгодъ помѣщика не могли никого особенно удивлять, потому что казались вполнѣ возможными, такъ какъ обычай считалъ задолжавшихъ крестьянъ холопами ихъ кредиторовъ. Отрывая крестьянъ отъ земли, съ ними только обращались, какъ съ холопами. Такъ должно было казаться дѣло съ обычной, житейской точки зрѣнія.

Но дѣло въ томъ, что разъ самъ законъ допускалъ случаи обращенія съ лично свободными крестьянами, какъ съ рабами, то жизнь могла стремиться къ тому же еще болѣе, и, дѣйствительно,—въ повседневныхъ житейскихъ отношеніяхъ рѣзко подчеркивалась зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ. При обязательности же для крестьянъ сидѣть на помѣщичьей землѣ, зависимость эта становилась особенно чувствительной. Къ тому же, Уложеніе, прикрѣпляя крестьянъ къ землѣ, кромѣ желанія обезпечить обра-

ботку служилой земли, стремилось еще и установить болѣе порядка и удобства въ сборѣ податей.

Платежи крестьянъ, сидящихъ на помѣщичьей землѣ, стали брать не съ самихъ крестьянскихъ общинъ, какъ дѣлалось прежде, а съ владѣльцевъ земли, при чемъ недоборъ взыскивали съ помѣщика. Дѣлая землевладѣльца отвѣтственнымъ за сборъ крестьянскихъ податей, правительство должно было дать ему и нѣкоторую судебно-полицейскую власть во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ важныхъ уголовныхъ преступленій: разбоя, грабежа, воровства съ поличнымъ. Это обстоятельство еще увеличивало зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ. Такъ что, въ концѣ-то концовъ, законъ 17-го в. если и считалъ крестьянъ лично свободными и крѣпкими только землѣ, то на дѣлѣ, изъ многочисленныхъ отступленій самаго закона отъ основного его смысла, въ практикѣ жизни складывалась полная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ.

Уже вскорѣ по изданіи Уложенія землевладѣльцы распоряжаются живущими на ихъ земляхъ крестьянами такъ, какъ будто эти крестьяне и по закону ихъ полная собственность. Землевладѣльцы мѣняются ими, передаютъ въ приданое, по завѣщанію, начинается даже продажа крестьянъ, сначала прикрываемая кое-ка-

кими формальностями, а вскорѣ совершенно откровенная.

Въ Уложеніи нѣтъ опредѣленія правъ и обязанностей владѣльцевъ и крестьянъ. Видно только по житейскимъ отношеніямъ того времени одно: помѣщикъ имѣлъ власть надъ крестьяниномъ и власть обширную, но въ чемъ заключалась эта власть по закону, гдѣ начиналось и гдѣ оканчивалось это право помѣщика на личность крестьянина, того въ Уложеніи не видно. Надо думать, что все въ ихъ повседневныхъ взаимныхъ отношеніяхъ покоилось на обычаѣ. Не сдерживая и не направляя жизнь, законъ допускалъ тѣмъ самымъ въ практикѣ ея злоупотребленія, которыя, разъ сложившись, принимали значеніе обычая, и тогда съ ними трудно, даже невозможно становилось бороться.

Можно отмѣтить цѣлый рядъ такихъ злоупотребленій, ставшихъ обычными. Такъ, нигдѣ въ Уложеніи не найдемъ статьи, которая бы говорила, что помѣщики могутъ подвергать крестьянъ тѣлеснымъ наказаніямъ, на дѣлѣ же кнутомъ и палкой ведется все тогдашнее хозяйство. По смыслу Уложенія, крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ. Это значитъ, его нельзя было оторвать отъ пашни, но въ силу неточности закона, вошла въ обиходъ мысль, что это можно дѣлать.

Обычай, войдя накрѣпко въ сознаніе людей, заставилъ даже правительство забыть о личной свободѣ крестьянъ, и въ указѣ 7-го апрѣля 1690 г. читаемъ такое выраженіе: „всякій помѣщикъ и вотчинникъ въ помѣстьяхъ своихъ и въ вотчинахъ, во крестьянехъ поступаться и сдать и промѣнять ихъ воленъ“. А отъ уступки и мѣны одинъ шагъ до продажи. Еще въ 70-хъ годахъ 17-го вѣка встрѣчаемъ указанія на продажу крестьянъ, и это указаніе связано съ именемъ одного изъ передовыхъ людей своего времени, знаменитаго боярина Артамона Матвѣева. Оказывается, что въ 1676 году по указу царя Ѳедора Алексѣевича „по челобитью Артемона Матвѣева по сдѣлочнымъ записямъ крестьяне за нимъ Артемономъ въ Помѣстномъ Приказѣ записаны и съ того числа за иными по сдѣлочнымъ записямъ и по купчимъ крестьяне записованы“. Любопытно, что вскорѣ купчія на крестьянъ стали записывать не въ Помѣстномъ, а въ Холопьемъ Приказѣ, законъ, слѣдовательно, явно приравнялъ свободныхъ лично крестьянъ, обязанныхъ только жить на помѣщичьей землѣ, къ холопамъ, т. е. къ рабамъ.

Какъ съ своими рабами и распоряжается живущими на его землѣ крестьянами помѣщикъ XVII в. Помѣщичій приказчикъ сажаетъ крестьянъ въ тюрьму, въ колоду, въ желѣза, бьетъ батогами, кнутомъ, можетъ даже подвергать подсу-

димыхъ пыткѣ. Нѣкоторые большіе помѣщики прямо указывали своимъ приказчикамъ, какъ они должны обращаться съ провинившимися крестьянами.

„Первая вина,—писалъ бояринъ Морозовъ своему приказчику, — спустить; смотря потому, если небольшая вина, побранить словомъ и дать на поруки; а своруетъ въ другорядь—и такихъ бить батоги; а своруетъ въ третіе—и такого бить кнутомъ". Въ обоихъ случаяхъ провинившагося отдавали на поруки кому-либо изъ благонадежныхъ крестьянъ, т.-е. отдавали какъ бы въ рабы рабу. „По комъ порукъ не будетъ, а вѣдомо, что онъ *воръ,—пишетъ далѣе бояринъ,*—такихъ сажать въ тюрьму, покамѣстъ поруки крѣпкія будутъ и писать о томъ мнѣ въ Москву".

Если морозовскому крестьянину надо было поѣхать куда-нибудь, то онъ не смѣлъ отлучиться безъ боярскаго разрѣшенія. Крестьянинъ долженъ былъ писать на имя боярина челобитье о разрѣшеніи уѣхать, куда ему надо, и подать такое челобитье приказчику. Приказчикъ на оборотѣ челобитья помѣчалъ такъ: „по указу боярина Бориса Ивановича Морозова приказный такой-то отпустилъ туда-то крестьянина такого-то до такого-то срока". При чемъ обозначалось также, для чего именно и съ чѣмъ, т.-е. съ товаромъ—продавать его или покормиться ремесломъ отъѣзжаетъ крестьянинъ.

Если крестьянинъ ѣхалъ въ Москву, то ему вмѣнялось въ обязанность явиться съ этой отпускной - челобитной на боярскій дворъ въ Москвѣ къ тамошнему приказчику. Къ отпуску прикладывалась печать приказчика.

Безъ такой отпускной грамоты морозовскіе крестьяне не смѣли выѣзжать изъ вотчины. По свидѣтельству самого Б. И. Морозова дѣлалось все это для „ихъ же береженья".

Приказчикъ могъ вмѣшиваться во всѣ мелочи домашняго обихода крестьянина. Бояринъ приказываетъ ему накрѣпко слѣдить, чтобы крестьяне „вина на продажу не курили и табаку не держали, и не курили, и не продавали, зернью и картами не играли, бабками не метали и на кабакахъ не пропивались".

Для домашняго употребленія крестьянамъ разрѣшалось сидѣть вино и варить „пиво", но въ ограниченномъ количествѣ, сказавъ напередъ приказчику. Разрѣшеніе давалось только по случаю праздника, родинъ, крестинъ, свадьбы. Больше осьмины или четверти хлѣба употреблять на это не дозволялось.

„Буде у котораго крестьянина, — писалъ бояринъ, — Богъ хлѣба уродитъ, то они бъ пиво варили не часто и больше четверти не варили. А вино сидѣть крестьянину или пиво варить часто, ино не прибыльно, убыточно".

Денежные оброки, всякій мелкій помѣщичій доходъ, всякое вотчинное издѣлье, крестьяне отбывали съ дворовъ или дымовъ, по сколько на каждый придется. Отбывали повинности и по-вытно, т.-е. соотвѣтственно количеству вытей пахотной земли.

Кромѣ годового денежнаго оброка, крестьяне были обложены сборомъ, такъ называемыхъ, „столовыхъ обиходовъ" или „столовыхъ запасовъ", которые собирались и съ выти, и особо съ каждаго дыму, и огуломъ со всей вотчины—когда какъ казалось боярину удобнѣй. Въ нижегородскихъ морозовскихъ вотчинахъ шло съ выти въ 12—16 дворовъ: 15 рублей денегъ, два пуда свиного сала, 1 гусь, 1 поросенокъ, 30 аршинъ холста, или, взамѣнъ холста, 10 фунтовъ шерсти на войлоки. Въ разныхъ вотчинахъ, даже въ разныхъ вытяхъ одной вотчины эти сборы бывали различны и качествомъ и количествомъ. Общее правило тутъ было одно: брать съ выти и вотчины то, чѣмъ она славится: гусями—такъ гусей, малиной—такъ малину, холстомъ—такъ холста, деревянной посудой—такъ ложки, плошки и чашки.

Само собою разумѣется, что въ неурожайные годы, при падежѣ скота, или по случаю какихъ-либо другихъ несчастій, размѣры этихъ сборовъ уменьшались. Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ бояринъ прощалъ крестьянамъ половину или третью долю оброка.

Въ 1651 году выгорѣла до тла одна изъ нижегородскихъ деревень Б. И. Морозова—Холязино. Крестьяне били челомъ боярину, что вотъ-де волею Божію, а ихъ согрѣшеніемъ, погорѣли они до основанія: хлѣбъ, и платье, и сѣмена, и всякая посуда пригорѣло, и пить-ѣсть стало нечего, скитаются-де они всѣ теперь по міру, питаясь Христовымъ Именемъ, до основанія погибли, до конца разорены, почать - кончать стало нечѣмъ. „Умилосердися, государь Борисъ Ивановичъ,—писали крестьяне,—пожалуй насъ сиротъ бѣдныхъ! Воззри въ нашу бѣдность, вели надъ нами *свою боярскую милостивую пощаду* учинить въ своемъ боярскомъ оброкѣ на 1652 годъ и въ старомъ своемъ оброкѣ, чтобъ намъ въ конецъ не погибнуть!“

На это челобитье бояринъ положилъ такую помѣту:—„буде они со всѣми животы погорѣли, и на нихъ на 1652 годъ половины оброку моего имать не велѣть“.

Но крестьянамъ, должно быть, было трудно уплатить и пониженный оброкъ, о чемъ приказчикъ и увѣдомилъ боярина. „Ты ко мнѣ писалъ,—отвѣтилъ на это приказчику бояринъ,—что крестьяне недоборныя съ прошлыхъ годовъ деньги не платятъ, и тебѣ бы однолично тѣ деньги со крестьянъ сбирать всѣ сполна, безо всякаго переводу, а которые бѣдны и взять на нихъ нечего,

и имъ велѣть работать у буднаго дѣла (на поташныхъ заводахъ) и зачитать въ оброкъ, или велѣть жечь золу и варить ее къ будному дѣлу и тоже зачитать въ оброкъ".

Для сбора всякихъ оброковъ и доходовъ всегда въ началѣ ноября къ главнымъ приказчикамъ бояринъ посылалъ особую грамоту, въ которой прописывалъ съ самыми точными подробностями, что и какъ собрать и когда доставить въ Москву. Обыкновенный и неизмѣнный срокъ доставки полагался къ Рождеству. Везти собранный запасъ крестьяне должны были сами.

Кромѣ сборовъ обычныхъ, бывали еще случайные. Понадобится боярину „дягильнаго коренью" четверикъ, или „травы звѣробойной", или травъ разныхъ для лѣченья лошадей—посылаютъ собирать съ крестьянъ; понадобится боярину скворецъ, который бы умѣлъ говорить,—и за нимъ шлютъ къ крестьянамъ. Понадобится хорошая деревянная посуда—и ее собираютъ съ крестьянъ. Великимъ постомъ собираютъ соленые грузди и рыжики, на Пасху яйца и творогъ.

На крестьянахъ лежала, кромѣ того, обязанность пахать боярскую пашню. Бояринъ строго слѣдилъ, чтобы эта самая важная статья дохода вырабатывалась крестьянами тщательно. „Какъ станутъ пашню пахать,—наказываетъ бояринъ приказчику,—такъ тебѣ смотрѣть, чтобы пахали и

выпахивали на́-мягко, пахали бъ въ пору, не опоздавъ, бороновали бъ мягко жъ. И буде крестьяне *станутъ пахать съ цѣлизнами и на́-мягко не учнутъ выпахивать*, и хлѣбъ на той пашнѣ будетъ недоброй, а у нихъ крестьянъ, на ихъ жеребьяхъ въ тѣхъ годахъ хлѣбъ родится добръ, и тотъ добрый хлѣбъ велѣть съ ихъ жеребьевъ имать на боярина, а имъ отдавать съ боярской пашни худой хлѣбъ... И сѣяли чтобъ хорошо, и высѣвали хлѣбъ весь, и хитрости бъ надъ хлѣбомъ никакой не чинили. Какъ поспѣетъ, такъ хлѣбъ пожать и попрятать, не обронявъ, какъ бы было прибыльнѣе и спорѣе, и тому хлѣбу ужинныя и умолотныя книги (т.-е. запись всего *сжатаго и умолоченнаго хлѣба*) *прислать* ко мнѣ въ Москву".

Такимъ образомъ, въ дѣйствительной жизни положеніе прикрѣпленнаго по закону къ землѣ, но свободнаго лично крестьянина, является полнымъ рѣшительныхъ противорѣчій. Крестьянинъ по закону свободенъ лично, т. е. можетъ распоряжаться самимъ собой, какъ ему велитъ его собственный разсудокъ, но помѣщикъ можетъ продать его, не спрашивая, хочетъ крестьянинъ того или нѣтъ. Помѣщикъ—судья крестьянина, но крестьянинъ признается полноправнымъ и передъ обычнымъ судомъ. Имущество крестьянина, какъ неоплатнаго должника, принадлежало

господину, но крестьянинъ могъ въ то же время покупать и продавать все, что хотѣлъ, кому угодно, не только казнѣ и другимъ лицамъ, но даже и своему помѣщику. Крестьянская община съ выборными старостами и раскладчиками податей продолжаетъ существовать, но рядомъ съ ней, порой подавляя ее, господствуетъ воля помѣщика и его приказчика [illegible]

Для государственной и общественной жизни такая двусмысленность въ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ представляла множество неудобствъ. Настоятельной необходимостью являлось избѣгнуть ея тѣмъ или инымъ способомъ, т. е. или совсѣмъ устранить зависимость крестьянина отъ владѣльца земли, или же провести ее еще дальше, опредѣлить вполнѣ такъ, чтобы не оставалось уже никакихъ сомнѣній.

Крестьянство 17-го вѣка пробовало сдѣлать первое, и притомъ двумя путями: крестьяне или бѣжали попрежнему отъ владѣльцевъ и съ земли, или бунтовали. Никогда въ Московскомъ государствѣ не бывало такого обилія бунтовъ и крупныхъ возмущеній, какъ именно въ 17-мъ вѣкѣ. Бунтъ Стеньки Разина могъ вырасти до тѣхъ размѣровъ, до какихъ онъ выросъ, только лишь на почвѣ всеобщаго народнаго недовольства прикрѣпленіемъ къ землѣ и черезъ это къ лицу помѣщиковъ. Но всѣ обсто-

ятельства тогдашней жизни складывались такъ, что полная закрѣпощенность крестьянства становилась неминуемой.

Въ общемъ же, положеніе крестьянъ въ 17-мъ вѣкѣ—неопредѣленное. Такъ и застаетъ ихъ 18-ый вѣкъ, принесшій съ собой полный расцвѣтъ крѣпостного права, т. е. безусловное сліяніе поземельной крѣпости крестьянъ съ ихъ личной зависимостью отъ землевладѣльцевъ.

III.

Итакъ, къ концу 17-го в. большинство крестьянъ, попавъ въ неоплатную долговую зависимость отъ помѣщиковъ, часто по записи „работать на господина безысходно, вѣчно“, явно становилось въ положеніе холоповъ.

Какъ и холопы, крестьяне этого времени должны безпрекословно исполнять волю господина, съ земли котораго законъ запрещаетъ имъ уходить. Кромѣ всего этого, въ руки помѣщика отданъ сборъ податей, и по многимъ дѣламъ онъ поставленъ судьей надъ живущими на его землѣ крестьянами. При такихъ обстоятельствахъ вся разница между холопомъ и крестьяниномъ сводится лишь къ тому, что

крестьянинъ платитъ подати, а холопъ нѣтъ. Постепенно исчезаетъ и это различіе.

Древне-русскіе землевладѣльцы, постоянно нуждавшіеся въ рабочей силѣ для обработки своихъ имѣній и обладавшіе сравнительно многочисленными холопами, издавна завели обычай сажать своихъ холоповъ за обработку земли. Такіе холопы-земледѣльцы пахали на господина, обрабатывали его дворовую землю и потому назывались „дворовыми“, или „дѣловыми“ людьми. Къ концу 17-го в. пашенное холопство особенно разрослось. Войны времени царя Алексѣя Михайловича повели за собой страшное обѣднѣніе народа, еще не успѣвшаго оправиться отъ тяжкихъ послѣдствій Смутнаго времени. Люди продавались въ неволю, только бы не умереть съ голоду.

Можно на примѣрѣ видѣть, насколько сильно разрослось пашенное холопство. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, населенномъ мелкими помѣщиками, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ „дѣловыхъ“ людей на помѣщичьихъ дворахъ числилось всего 200 человѣкъ. Къ концу же 17-го вѣка число ихъ увеличилось до 4.242 душъ при общемъ числѣ крестьянъ въ этомъ уѣздѣ 19.734 души. Это значитъ—пятая часть всѣхъ земледѣльцевъ Бѣлевскаго уѣзда состояла изъ холоповъ!

Но замѣна крестьянскаго труда холопьимъ представляла много невыгодъ для государства, соби-

равшаго подать съ земли, обрабатываемой свободными лично крестьянами.

Нуждаясь, благодаря постояннымъ войнамъ, въ деньгахъ, Московское правительство обратило вниманіе на новыхъ земледѣльцевъ и стало брать подать и съ земли, обрабатываемой холопами. По переписи 1678—79 г. холоповъ занесли въ Писцовыя книги на ряду съ крестьянами. Указомъ царя Петра Алексѣевича въ 1695 г. съ холоповъ повелѣно было брать подати.

Возлагая на пашенныхъ холопей ту же тягость, какую несли крестьяне, правительство, можно сказать, приравняло однихъ къ другимъ. Понятно, что помѣщики, и безъ того путавшіе въ своемъ обращеніи крестьянъ съ холопами, начинаютъ теперь путать ихъ еще болѣе, еще больше привыкаютъ обращаться съ крестьянами, какъ съ холопами. Злоупотребленія помѣщичьею властью усиливаются еще болѣе. Особенно возрастаетъ торговля людьми. Она дѣлается до того обычной, что даже самъ Петръ Великій чувствовалъ себя безсильнымъ искоренить куплю-продажу людей. Осуждая въ одномъ указѣ 1721 г. продажу крестьянъ, „кто похочетъ купить, какъ скотовъ“, Петръ сомнѣвается въ возможности прекратить ее. Предписывая „оную продажу людямъ пресѣчь“, онъ оговаривается, что „ежели невозможно того вовсе пресѣчь, то хотя бы, по нуждѣ, продавали цѣлыми фамиліями, или

семьями, а не врознь, чего во всемъ свѣтѣ не дѣлается“.

Указомъ 1705 г. на холоповъ распространяется рекрутская повинность. Послѣ этого вся разница между ними и крестьянами свелась только къ тому, что существуютъ названія—„крестьянинъ“ и „холопъ“. На дѣлѣ же холопство до такой степени полно проникло въ крестьянство, и наоборотъ—крестьянство такъ сблизилось съ холопствомъ, что разграничить ихъ становится чрезвычайно трудно. Дальнѣйшая жизнь быстро стерла и послѣднія различія, какія еще можно было улавливать въ этихъ двухъ по существу столь различныхъ состояніяхъ.

При Петрѣ Великомъ, какъ извѣстно, въ Россіи окончательно была заведена постоянная армія. До него люди служилые отбывали службу только въ военное время, въ мирное же жили въ своихъ помѣстьяхъ — земляхъ, которыя давались имъ, какъ бы въ видѣ жалованья, за службу. Съ этихъ земель они и кормились. Когда же была заведена постоянная армія, пришлось подумать, какъ прокормить ее. Въ поискахъ за средствами сдѣлали такой ариѳметическій расчетъ: — сосчитали все платившее подати населеніе Россіи, сообразили, по скольку душъ плательщиковъ придется на каждаго рядового, потомъ высчитали, сколько стоитъ среднимъ числомъ содержаніе солдата въ годъ. То,

что получилось, разложили поровну на число душъ, пришедшихся на каждаго рядового. По первой ревизіи, т.-е. переписи платившаго подати населенія Россіи, (1718 г.) въ ревизскія списки занесли только крестьянъ и пашенныхъ холоповъ. Въ 1720 г. приказано было записать плательщиками всѣхъ „подданныхъ" помѣщика, какого бы званія они ни были, даже церковныхъ причетниковъ, за исключеніемъ дьяконовъ и священниковъ.

Послѣ первой ревизіи крестьяне и холопы оказались смѣшанными въ одинъ разрядъ. Съ этихъ поръ исчезло на Руси холопство, осталось одно только крѣпостное крестьянство.

Вообще крестьяне съ этого времени стали раздѣляться на крестьянъ помѣщичьихъ, монастырскихъ и государственныхъ. Всѣ три разряда были записаны въ ревизскія сказки и обложены однимъ налогомъ. Помѣщичьи крестьяне платили въ казну около 5 р., на наши деньги государственные же, не платившіе оброка помѣщику и не отбывавшіе барщины, платили сверхъ пяти рублей еще добавочный сборъ, равнявшійся приблизительно 2 р. 50 к. Ревизія продолжалась пять лѣтъ и насчитала крестьянъ 5½ милліоновъ душъ мужескаго пола.

Отмѣтимъ кстати, что со времени первой ревизіи, и самый сборъ подати былъ устроенъ иначе.

Въ 17-мъ вѣкѣ и ранѣе, мы видѣли, подать взималась съ обрабатываемой земли. Чтобы платить

меньше, крестьяне стремились уменьшать запашку. Въ 17-омъ вѣкѣ, ради устраненія этого зла, подать переложили на дворъ. Тогда крестьяне стали селиться по возможности въ большемъ числѣ душъ на одномъ дворѣ. Дѣло доходило до того, что случалось за однимъ хозяиномъ. за его хребтомъ, жила семья въ 40 и болѣе человѣкъ.

Если въ первомъ случаѣ государство терпѣло отъ того, что пахали меньше, то во второмъ оно несло убытки отъ убыли дворовъ.

Первая ревизія установила подушную подать, которая шла не съ земли и не со двора, а съ „души", т. е. съ самого работника. Для казны это было выгодно. Но правительство, облагая податью „душу" независимо отъ земли, какъ бы подтверждало возможность отдѣлять крестьянъ отъ земли. Съ нихъ стали брать подать, несмотря, много или мало они пашутъ. А такъ какъ наблюденіе за ихъ платежной исправностью осталось попрежнему за владѣльцами земли, то помѣщичья власть надъ личностью крестьянъ получила еще больше возможности усиливаться. Въ результатѣ слившіеся съ холопами крестьяне являются въ началѣ 18-го вѣка полной собственностью господъ. Это новое состояніе сельскаго работника получаетъ съ этого времени названіе „крѣпостной", или „ревизской" души.

Помѣщичья власть начала 18-го вѣка начинаетъ

отличаться своей полнотой и тягостью. Жившій въ то время крестьянинъ Иванъ Посошковъ такъ описывалъ въ 1724 г. положеніе крѣпостныхъ. „Помѣщики на крестьянъ своихъ,—читаемъ въ его книгѣ,—налагаютъ бремена неудобоносимыя; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дни, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у господъ. Или что положено на крестьянъ оброку, или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняютъ. И который крестьянинъ станетъ мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ; и многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрасти, но стриги его, яко овцу, догола; и тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ крестьянъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нужды крестьяне домы свои оставляютъ и бѣгутъ—иные въ Понизовыя мѣста, иные во Украинныя, а иные и въ зарубежныя. Тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ“.

Отъ такихъ тягостей крестьяне искали заступничества у государя: „Просимъ и молимъ и умиль-

по вонісмъ,—писали крестьяне одного помѣщика въ прошеніи царю Петру,—да тя на милость приклонимъ о свободствѣ, дабы намъ изъ Содому и Гоморру отраднѣе было. На семъ нашемъ приношеніи къ тебѣ, великому государю, сановніи твои бояре и князи тебѣ великому государю станутъ возбранять, чтобы намъ у нихъ, яко въ Содомѣ и Гоморрѣ мучиться; яко львы челюстями своими пожираютъ насъ и яко зміи ехидные разсвирѣпся напрасно попираютъ; яко же волци свирѣпіи; біютъ насъ, яко немилостивіи пилаты—государь, смилуйся, пожалуй". Но всѣ такія жалобы мало вліяли на улучшеніе положенія крестьянъ—обстоятельства тогдашней жизни были *не за нихъ*.

Дѣло въ томъ, что со временъ Петра Великаго дворянство пріобрѣло первенствующее положеніе въ государствѣ. Изъ среды дворянъ выходятъ первые сановники, изъ дворянъ состоитъ гвардія, дворяне служатъ офицерами въ арміи, въ ихъ рукахъ находится судъ и всѣ другія отрасли управленія. Въ силу всего этого и можно наблюдать, какъ въ первой половинѣ 18-го в., въ какія-нибудь 35 лѣтъ по смерти Петра Великаго, помѣщичьи крестьяне утрачиваютъ всякую тѣнь личныхъ правъ, превращаются въ крѣпостныхъ въ самомъ полномъ смыслѣ слова. Это видно и изъ отношенія къ нимъ правительства.

Ближайшими преемниками Петра Великаго издается рядъ указовъ, на основанiи которыхъ создается окончательная крѣпость крестьянъ. Въ 1730 году запрещается помѣщичьимъ крестьянамъ прiобрѣтать въ собственность недвижимое имущество. Въ 1741 г. они устраняются отъ принесенiя присяги на вѣрноподданство. Въ 1761 г. имъ запрещается обязываться векселями и брать казенные подряды. Съ другой стороны все усиливается власть помѣщика. Въ 1747 г. помѣщикамъ разрѣшается продавать крестьянъ, кому захотятъ, для отдачи въ рекруты; въ 1760 г. помѣщикамъ дозволяется ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь; еще въ 1746 г. запретили владѣть крѣпостными всѣмъ недворянамъ.

Къ царствованiю императрицы Екатерины II крѣпостное право достигаетъ высшей точки своего развитiя и теряетъ даже тѣ основанiя, которыми старались оправдать его существованiе.

До 1762 года, можно сказать, всѣ сословiя русскаго государства находились въ крѣпостной зависимости отъ него. Дворяне были обязаны пожизненно служить въ военной или гражданской службѣ, обязаны были учиться, такъ же, какъ купцы,— торговать и платить налоги, а крестьяне кормить помѣщиковъ, платить подати и отправлять рекрутскую повинность.

Дворяне любили говорить, что свое право вла-

дѣть крѣпостными они пріобрѣтаютъ черезъ свою обязательную службу государству. Въ 1762 г. дворянство получило свободу отъ обязательной служебной повинности. Казалось бы, что освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы должно повлечь за собой освобожденіе отъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Но на дѣлѣ крѣпостное право длилось еще цѣлыя 100 лѣтъ. За это время крѣпостное право не переставало возрастать: постепенно все большее количество людей русскаго государства становилось крѣпостными, и въ то же время все усиливалась полнота власти господина надъ крестьянами.

Увеличивалось количество крѣпостныхъ во второй половинѣ 18-го вѣка прежде всего, благодаря пожалованіямъ, т. е. отдачамъ государственныхъ земель съ жившими на нихъ крестьянами въ частную собственность дворянамъ. Жаловали земли и крестьянъ тогда по всякому удобному къ тому поводу: за заслуги, вмѣсто денежнаго жалованья, въ дополненіе къ жалованью и т. д. Въ царствованіе Петра Великаго роздали такимъ путемъ 77.000 душъ. Одно вступленіе на престолъ императрицы Екатерины II сопровождалось раздачей 18.000 душъ, а за все свое царствованіе она раздала до 400.000 ревизск. душъ, что составитъ около 1.000.000 душъ обоего пола. Императоръ Павелъ въ день своей корона-

ціи роздалъ 100 милліоновъ десятинъ земли и 100.000 душъ крестьянъ. Въ свое кратковременное царствованіе онъ раздавалъ души безъ счета, считая это выгоднымъ для государства, потому что въ лицѣ помѣщиковъ пріобрѣтались такимъ путемъ, по его выраженію, „даровые полицеймейстеры".

Кромѣ пожалованій, значительно способствовали приросту крѣпостного населенія ревизіи, совершавшіяся обыкновенно черезъ каждыя 20 лѣтъ. При ревизіяхъ записывали въ крѣпостные всѣхъ, кого въ древней Руси называли гулящими людьми, т. е. тѣхъ, кто почему-либо оказывался непристроеннымъ ни къ какому сословію и ни къ какому дѣлу—напр., дѣтей заштатныхъ церковнослужителей, солдатскихъ дѣтей, нищихъ, незаконнорожденныхъ и т. и.

Пожалованія и приписки по ревизіямъ, увеличивая число крѣпостныхъ, косвенно усиливали гнетъ крѣпостного права: помѣщики, видя, что государство какъ бы покровительствуетъ крѣпостному владѣнію людьми расширеніемъ его количественно, привыкли думать, что правительство ничего не имѣетъ и противъ качественнаго его расширенія. „Мои люди", „мои крестьяне", „мои рабы", „холопы", „хамы" и т. п. выраженія становятся обычными въ тогдашнемъ помѣщичьемъ разговорномъ языкѣ и находятъ себѣ оправданіе

въ языкѣ указовъ того времени, гдѣ встрѣчаемъ выраженія „крестьянамъ быть вѣчно за тѣмъ, за кѣмъ записаны“, или „владѣльцамъ владѣть ими (т. е. крестьянами) вѣчно“, а владѣютъ, вѣдь, только вещью.

И крестьянинъ, дѣйствительно, становится теперь вещью, которой помѣщикъ распоряжается, какъ ему угодно. Становясь на точку зрѣнія своей выгоды, помѣщикъ вмѣшивается во всѣ личныя дѣла крестьянъ и посвоему устраиваетъ весь ихъ обиходъ. Такъ, если сынъ крестьянина достигалъ возраста, когда могъ исполнять крестьянскую работу и не хотѣлъ жениться, то помѣщикъ, по изстари установившемуся обычаю, понуждалъ его жениться силой. За обычай было, что жениху невѣсту, а невѣстѣ жениха выбиралъ баринъ, не справляясь о желаніи ихъ вступать въ бракъ. Обыкновенно осенью, по окончаніи работъ, или весною, на Красную горку, игрались свадьбы всѣхъ назначенныхъ паръ сразу.

Такой грубый произволъ покоился на тонкомъ, посвоему, хозяйственномъ расчетѣ. „Землевладѣльцы въ Россіи, — говоритъ одинъ современникъ, — обыкновенно принуждаютъ къ браку молодыхъ людей и дѣлаютъ это для того, чтобы имѣть лишнюю пару, т. е. новое тягло, на которое можно еще наложить ра-

боту или оброкъ." Насколько мало цѣнилось при этомъ человѣческое достоинство крѣпостныхъ, можно видѣть хотя бы изъ письма одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и сравнительно очень добраго помѣщика, знаменитаго графа А. В. Суворова. Своему новгородскому управителю онъ пишетъ: „не можно-ль, государь мой, выбрать изъ моихъ крестьянскихъ дѣвокъ дворовымъ людямъ въ невѣсты дѣвочку-другую, только чтобъ то мужичкамъ было безобидно. Сихъ дѣвицъ извольте отправлять на крестьянскихъ подводахъ, безъ нарядовъ (безъ провожатыхъ), однѣхъ за другими, какъ возятъ куръ, не очень сохранно". А въ ученомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ одинъ господинъ разсуждалъ такъ: „Дѣвокъ 18-ти лѣтъ въ супружество отдавать; добрые экономы отъ скотины и птицъ стараются племя разводить, а человѣкъ, просвѣщеніе разумѣющій, паче долженъ о размноженіи рода человѣческаго, при помощи Божіей, печность (попеченіе) приложить".

Помѣщичье обыкновеніе наказывать крестьянъ усиливается въ 18-мъ вѣкѣ до необычайныхъ размѣровъ. Помѣщикъ наказываетъ теперь крестьянина рѣшительно за все: за хозяйственную неисправность, за нерадѣніе къ церкви, за непочтительность и т. д. Сѣкли не только розгами, но и плетьми. Разница была та, что одинъ ударъ плетью

по силѣ и по слѣдствіямъ равнялся 170 ударамъ розгой, какъ высчиталъ одинъ помѣщикъ, хотя и больной душевно, но свободно распоряжавшійся своими крестьянами. Этотъ великій знатокъ кнутобойнаго дѣла велъ цѣлый сложный учетъ плетямъ и розгамъ, на раздачу которыхъ не скупился. Своимъ крѣпостнымъ онъ сыпалъ плети сотнями, а розги тысячами за всякую провинность. Жестоко наказанному у него даже отлеживаться не давали. Получившему 100 плетей, или 17.000 розогъ, позволялось лежать только недѣлю. Одинъ конюхъ пролежалъ двѣ—за лишнюю недѣлю у него убавили на половину съѣстную дачу и взяли штрафъ. „Наказаніе рабовъ, — говоритъ одинъ французъ, долго жившій въ Россіи,—измѣняется сообразно съ расположеніемъ духа и характеромъ господина или заступающаго его мѣсто. Оно гораздо чаще соразмѣряется со строгостью того, кто его предписываетъ, чѣмъ съ важностью проступка наказываемаго. Самыя обычныя исправительныя средства — палки, плети, розги. Наказанія производятся обыкновенно на конюшнѣ или въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ, чтобы крики истязуемаго не безпокоили господъ. Я видѣлъ, что палками наказывали какъ за кражу, такъ и за опрокинутую солонку (послѣднее, по русской примѣтѣ, предзнаменуетъ большое несчастье, и потому такое преступленіе рѣдко про-

щается), за пьянство и за мелкое непослушаніе, за дурно сжаренную курицу и за пересоленый супъ. При наказаніи обыкновенно присутствуетъ управляющій, если не самъ господинъ. Какія только предосторожности не принималъ я, чтобы не быть свидѣтелемъ этихъ жестокихъ истязаній, но они такъ часты, такъ обычны въ деревняхъ, что невозможно не слышать постоянныхъ криковъ несчастныхъ жертвъ безчеловѣчнаго произвола. Эти пронзительные крики преслѣдовали меня даже во снѣ. Сколько разъ проклиналъ я мое знаніе русскаго языка, когда слышалъ, какъ отдавали приказы о наказаніяхъ".

Жестокія наказанія переходили порой въ звѣрскія истязанія. До сихъ поръ живы еще въ народѣ воспоминанія объ извѣстной Салтычихѣ, которая звѣрски обращалась со своими крѣпостными и замучила 139 человѣкъ. Двадцать одинъ разъ подавали на нее крестьяне жалобы, но безуспѣшно, потому что она давала взятки кому слѣдуетъ, и дѣла заминались. „Вы мнѣ ничего не сдѣлаете,— говорила она жалобщикамъ,—сколько вамъ ни доносить; мнѣ все равно ничего не будетъ, и меня на васъ не промѣняютъ". Но Салтычиха ошиблась. Слухи о ея звѣрствахъ дошли до императрицы Екатерины II. Государыня приказала нарядить слѣдствіе, и когда все, что говорили о звѣрскомъ обращеніи Салтыковой съ крѣпостными, подтвердилось, Сал-

тыкову было приказано лишить дворянскаго званія, называть просто Дарьей Николаевой, выставить въ Москвѣ къ позорному столбу съ надписью— „мучительница и душегубица“, а потомъ посадить въ каменную клѣтку за желѣзной рѣшеткой при одномъ изъ московскихъ монастырей на потѣху народа. Были конечно, помѣщики, которые, по словамъ современника, „содрогались“, слушая разсказы о подобныхъ истязаніяхъ, и гнушались такимъ звѣрствомъ и семействомъ сихъ изверговъ, такъ что не хотѣли съ ними имѣть знакомства никогда.

...— „На то ль,—говорили они,—даны намъ люди и подданные, чтобъ поступать съ ними столь безчеловѣчно“.

Но унизителенъ, прежде всего, для человѣческаго достоинства самый произволъ помѣщичьей власти, независимо отъ направленія ея въ дурную или хорошую сторону. Въ обоихъ случаяхъ крестьянинъ—вещь, безотвѣтно подвергающаяся капризу гнѣва или милости.

Въ теченіе первой половины 18-го вѣка помѣщики мало жили въ деревняхъ. Занятый всю жизнь на военной или гражданской службѣ, прикрѣпленный къ полку или къ канцеляріи, тогдашній помѣщикъ бывалъ въ деревнѣ только наѣздомъ. По деревнямъ жили только старые и малые. Не живя постоянно въ деревнѣ, тогдаш-

ній помѣщикъ, разумѣется, не могъ самъ заниматься хозяйствомъ. Обработку земли онъ предоставлялъ поэтому крестьянской общинѣ, взимая съ нея оброкъ.

По словамъ императрицы Екатерины II въ ея время: „Хозяева, не бывшіе вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два, даже по пяти, несмотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ себѣ деньги". Обычный размѣръ оброка простирался отъ 3-хъ до 5 рублей, а „въ нѣкоторыхъ провинціяхъ,—пишетъ одинъ современникъ,—лежащихъ поблизости столицъ и судоходныхъ рѣкъ, платятъ и по 10 руб., но такихъ деревень немного, какъ, равнымъ образомъ, и такихъ, кои бы меньше 3-хъ рублей съ души платили".

Кромѣ денежнаго оброка, многіе помѣщики принуждали крестьянъ платить еще натурой, такъ называемый „столовый запасъ". Иногда этотъ запасъ взимался сверхъ оброка, а иногда впрочемъ, очень рѣдко, въ счетъ его. Такъ А. В. Суворовъ бралъ со своихъ крестьянъ трехрублевый оброкъ, въ счетъ котораго шли различные припасы.

Какъ вообще велось оброчное хозяйство, лучше всего можно судить по примѣру. Возьмемъ Гуслицкую волость Московскаго уѣзда. Помѣщичьей эта волость стала только съ 1762 года, когда была пожалована Лопухинымъ. Всѣхъ Лопухиныхъ

было трое, и части ихъ такъ и назывались „третями".

Пока волость была казенной, крестьяне вносили оброку съ 3350 душъ 3383 р. 50 к. въ годъ, т. е. по 1 р. и 1 к. съ души. Новые владѣльцы значительно повысили оброкъ.

Въ 1767 г. одинъ изъ нихъ—Авраамъ Лопухинъ, со своей Раменской трети собиралъ деньгами 3270 р., сѣна 11500 пуд. овса 200 четв., дровъ трехаршинныхъ 100, а однополѣнныхъ 200 саж., мяса 40 п., 100 барановъ, 40000 огурцовъ, сѣрой рубленой капусты 250 ведеръ, бѣлой рубленой—100 ведеръ, пастернаку, сельдерею, хрѣну и порею по 1000 кореньевъ; рѣпы, рѣдьки, моркови—сколько понадобится; 200 курицъ, до 5000 яицъ, брусники, клюквы, разныхъ грибовъ—сколько потребуется.

Оцѣнивъ на деньги все, кромѣ зелени и овощей, количество которыхъ трудно было опредѣлить, крестьяне Раменской трети высчитали, что вмѣстѣ съ денежнымъ оброкомъ всего идетъ съ нихъ 5273 р. Кромѣ того, всякое лѣто крестьяне обязаны были ставить на мірской счетъ для работы на барина 20 плотниковъ. Затѣмъ, съ нихъ взимались еще случайные поборы. Такъ, въ деревнѣ Богородской на крестьянскій счетъ были выстроены: дворовое строеніе и барскій домъ; прорыта канава въ 9 арш. ширины и 70 саж. длины, и начато

рытье пруда, „отъ чего,—говорятъ крестьяне въ своемъ прошеніи императрицѣ,—мы нижайшіе пришли въ крайнее разореніе и скудость".

Для переѣздовъ помѣщика съ мѣста на мѣсто брались крестьянскія подводы; когда баринъ ѣздилъ изъ Москвы на богомолье, съ крестьянъ взыскивали расходы по его путешествію. По разнымъ надобностямъ помѣщика было снаряжено въ Москву 200 подводъ въ годъ. Каждый пріѣздъ господина въ деревню стоилъ крестьянамъ тоже не дешево: на сѣно и овесъ лошадямъ, на прокормъ его самого и дворни требовалось 100 руб. На счетъ крестьянъ содержался и управитель, присланный помѣщикомъ.

Когда помѣщикъ переселялъ нѣкоторыхъ своихъ крѣпостныхъ изъ одной вотчины въ другую, то издержки по переводу ихъ падали на остальныхъ крестьянъ. Такъ, при одномъ такомъ переселеніи шести семей были куплены на мірской счетъ шубы, сани и пр. для переселенцевъ, а также дано на проѣздъ и пропитаніе болѣ 100 руб., собранныхъ съ оставшихся крестьянъ. Кромѣ того, крестьянамъ не только пришлось платить до новой ревизіи подати за переселенныхъ, но еще и вносить помѣщику за нихъ оброкъ и причитавшуюся долю „столовыхъ запасовъ".

Не стерпя „великаго разоренія, тягости оброковъ и всякихъ несносныхъ работъ", нѣкоторые

крестьяне бѣжали; тогда положеніе остальныхъ ухудшилось—имъ пришлось уплачивать за бѣжавшихъ подати и оброкъ. Всего съ крестьянъ Раменской трети по ихъ собственному расчету всякихъ платежей оброчныхъ и за всякое „здѣлье“ собиралось въ годъ 7495 руб. Со всей же Гуслицкой волости шло 16535 руб. Всего крестьянъ считалось въ ней 3350 душъ. Слѣдовательно, круглымъ числомъ съ каждой души приходилось почти 5 рублей. Сравнительно съ тѣмъ, что платила Гуслицкая волость, когда она была казенной, государевой, Лопухины набавили 13000 руб.

Никакія просьбы и мольбы крестьянъ объ уменьшеніи поборовъ не помогали. Тогда они рѣшили подать императрицѣ челобитную, изъ которой и взяты приведенныя свѣдѣнія.

Вѣроятно, положеніе Лопухинскихъ крестьянъ казалось не особенно тяжелымъ по сравненію съ другими. Оно и было, надо думать, среднимъ. Есть примѣры еще болѣе тяжелаго положенія. Такъ, въ 40-хъ годахъ 18-го вѣка генералъ-аншефъ Леонтьевъ получилъ деревню, платившую 300 рублей ежегоднаго оброка казнѣ. Новый владѣлецъ сразу повысилъ оброкъ до 2300 руб., т.-е. увеличилъ его почти въ 8 разъ. Черезъ 20 лѣтъ, постепенно повышая, онъ довелъ цифру оброка до 3.900 руб. въ годъ, т.-е., по сравненію съ первоначальной, увеличилъ въ 13 разъ. Крестьяне ото-

ропѣли отъ перваго повышенія и отказались платить. Тогда бурмистръ принялся выколачивать оброки—„билъ и мучилъ смертельно" не только самихъ крестьянъ, но ихъ женъ и дѣтей.

Насколько мало заботились помѣщики о томъ, откуда, изъ какихъ средствъ крестьяне должны удовлетворять ихъ требованія, показываетъ, напр., письмо казанскаго помѣщика Бѣлавина своему управителю. „О крестьянахъ, что они неимущіе и ходятъ по міру, отнюдь ко мнѣ не пиши: мнѣ это ножъ; я хочу воровъ разорить и довести хуже прежняго—такъ они милы мнѣ; почти я отъ нихъ допущенъ ходить съ кузовомъ по міру. Уповаю и надѣюсь до 1.000 руб. взыскать съ нихъ безъ всякаго сумнительства и разоренія. Мужикъ хоть и сѣръ, да умъ не чортъ у него съѣлъ".

Въ общемъ, положеніе крестьянъ въ первой половинѣ 18 в. очень тяжело. „Поборы и работы,—говоритъ современникъ,—не только превосходятъ примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько выступаютъ и изъ сносности человѣческой.

Оброчное хозяйство велось по преимуществу въ крупныхъ имѣніяхъ большихъ господъ и рѣже примѣнялось въ имѣньяхъ среднихъ и мелкихъ. Помѣщики средней руки и мелкіе старались хозяйничать сами, особенно съ тѣхъ поръ, какъ во второй половинѣ 18-го вѣка, послѣ освобо-

жденія дворянства отъ обязательной службы, стали все чаще и все въ большемъ количествѣ селиться по своимъ деревнямъ.

Богатые помѣщики, обладавшіе по нѣсколько тысячъ и даже десятковъ тысячъ душъ въ многихъ губерніяхъ, мало жили въ своихъ деревняхъ. Ихъ тянула къ себѣ столица и жизнь при дворѣ, въ деревню они наѣзжали только на побывку, или если ихъ постигала опала. При такихъ условіяхъ ихъ ничто не заставляло заниматься хозяйствомъ, и помѣстья богачей были по преимуществу на оброкѣ все время существованія крѣпостного права.

Такъ какъ положеніе крестьянъ, принадлежавшихъ мелкимъ владѣльцамъ, считалось вообще тяжелѣе тѣхъ, которые принадлежали крупнымъ, то установившееся въ мелкихъ имѣніяхъ господство барщиннаго хозяйства и надо считать дальнѣйшимъ ухудшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ барщинныхъ имѣніяхъ помѣщикъ самъ смотрѣлъ за работой крестьянъ и, оберегая свои выгоды, смотрѣлъ зорко. Самъ, при помощи старосты или бурмистра, распредѣлялъ уроки и назначалъ барщину. Обыкновенно каждый вечеръ у притолки господскаго кабинета появлялась фигура старосты въ лаптяхъ и армякѣ. Староста докладывалъ барину о дѣлахъ по хо-

зяйству за истекшій день и получалъ распоряженія на слѣдующій. Если баринъ былъ доволенъ старостой, то приказывалъ поднести ему рюмку водки, если нѣтъ—кричалъ на него, билъ, а если неисправность была велика, отправлялъ на конюшню, гдѣ старостѣ и отпускали, сколько слѣдовало, розогъ.

Помѣщичье хозяйство было обставлено не мудро, велось по старинѣ и оставляло помѣщику много досуга, не обременяло ни ума, ни силъ. Обыкновенно вся земля въ барщинныхъ имѣньяхъ раздѣлялась на крестьянскую и господскую. Половину рабочаго времени крестьянину приходилось тратить на обработку господской земли и половину на обработку своей. Трехдневная барщина тамъ, гдѣ она существовала, исполнялась крестьянами двоякимъ образомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ всѣ крестьяне работали три дня въ недѣлю на господина и три на себя, воскресенье же полагалось на отдыхъ. Въ другихъ мѣстностяхъ дѣлали такъ: если въ семьѣ находилось двое взрослыхъ работниковъ, то одинъ постоянно, кромѣ праздниковъ, работалъ на помѣщика, а другой на себя. Трехдневная барщина вообще считалась умѣренной, но она далеко не вездѣ господствовала. Крестьяне одного села въ Орловской губ. работали на своего помѣщика ежедневно. Крестьяне генеральши Толстой жаловались, что

барщина заставляетъ ихъ работать на барщинѣ ежедневно, не освобождая даже по воскресеньямъ и самымъ большимъ праздникамъ. По свидѣтельству одного современника,—были и такіе „строгіе къ крестьянамъ помѣщики, что крестьянамъ своимъ одного дня на себя работать не даютъ, а, давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ, употребляютъ ихъ безъ изъятья на господскія работы ежедневно“.

Обыкновенно помѣщики даже при неежедневной барщинѣ очень произвольно распоряжаются рабочимъ временемъ крестьянъ: понуждаютъ ихъ, напр., работать на господскихъ поляхъ въ хорошую погоду по цѣлымъ недѣлямъ и позволяютъ приняться за уборку своего хлѣба только по окончаніи жатвы на господскихъ полосахъ. На себя крестьяне работали тогда по ночамъ и по праздникамъ.

Въ нечерноземныхъ мѣстахъ крестьяне 18-го в. пахали господской пашни на тягло 3 десятины въ трехъ поляхъ, а въ черноземныхъ 3½ десятины. По стольку же и даже больше пахали они на себя. Въ подмосковныхъ имѣніяхъ обычный крестьянскій надѣлъ доходилъ до 8 десятинъ, при чемъ сюда входятъ 2 или 3 десятины лѣсу.

Кромѣ обработки помѣщичьей земли, барщинные крестьяне, такъ же, какъ и оброчные, должны были поставлять на помѣщичій дворъ „сто-

ловый запасъ". По словамъ одного наблюдателя того времени, съ каждаго тягла собирали по гусю или по индѣйкѣ, по курицѣ, по нѣсколько десятковъ яицъ, по нѣсколько аршинъ сукна армяжнаго или холста и многое другое. Женщины лѣтомъ ходили па барщину, а зимой пряли и ткали на помѣщика. По словамъ одного современника, женскія повинности были таковы: „каждая тягловая крестьянка въ годъ должна была напрясть и выткать сукна и холста по 12 арш., а въ нѣкоторыхъ вотчинахъ накладываютъ на нихъ и болѣе. На оное выдается овечья шерсть, ленъ или посконь помѣщичья, буде же въ вотчинѣ своего домашняго нѣтъ, то покупаютъ и раздаютъ".

Однимъ сборомъ припасовъ помѣщикъ не ограничивался и требовалъ еще съ крестьянъ, чтобы они доставляли собранное въ городъ для продажи, а возить иной разъ случалось за 600 и болѣе верстъ.

Кромѣ поборовъ деньгами и натурой, крестьяне несли еще личную службу помѣщику. Изъ крестьянъ, оторванныхъ отъ земли, господа составляли себѣ дворню для всякихъ услугъ въ барскомъ домѣ. Въ 18-мъ в. помѣщичья дворня принимаетъ обширные размѣры. Съ одной стороны это было слѣдствіемъ чванства, съ другой необходимостью: держать большую дворню приходилось ради безопасности.

Въ однихъ воспоминаніяхъ находимъ такія данныя о дворнѣ 18 в. „Людей въ домахъ держали тогда премножество, потому что, кромѣ выѣздныхъ лакеевъ и официціантовъ, были еще дворецкій и буфетчикъ, а то и два: камердинеръ и его помощникъ, парикмахеръ, кондитеръ, два или три повара и столько же поварятъ; ключникъ, два дворника, скороходы, кучера, форейторы и конюхи, а ежели гдѣ при домѣ садъ, такъ и садовники. Кромѣ того, у людей достаточныхъ, и не то чтобы особенно богатыхъ. бывали свои музыканты и пѣсенники, ну хоть понемногу, а все-таки человѣкъ по десяти. Это только въ городѣ; а въ деревнѣ—тамъ еще всякіе мастеровые и у многихъ псари, егеря, которые стрѣляли дичь для стола, а тамъ скотники, скотницы... Городскихъ и деревенскихъ, мужчинъ и женщинъ, такъ едва ли въ большихъ домахъ бывало не по 200 человѣкъ прислуги, ежели не болѣ“.

За богатыми дворянами тянулись дворяне средней руки. Выжимая со своихъ крѣпостныхъ все, что можно, они выстраивали себѣ большіе дома, богато убирали ихъ и держали „немалое число официціантовъ и лакеевъ“, набранныхъ, разумѣется, изъ крестьянъ. „Даже мелкопомѣстные дворяне, тѣ, что прежде сами землю пахали, держатъ теперь, глядя на богачей, по три и болѣе человѣкъ прислуги“.

Большую дворню возможно было содержать благодаря тому, что „все было свое—и хлѣбъ, и живность, и всѣ припасы—все привозилось изъ деревень; всего заготовляли по многу, стало быть, и содержаніе стоило не дорого, а жалованье людямъ платили небольшое—сапоги шили имъ свои мастера, платье тоже, холстъ былъ некупленный". Такъ говоритъ современникъ. Иностранцы съ удивленіемъ смотрѣли на огромныя дворни русскихъ помѣщиковъ: „Въ другихъ странахъ,—писалъ одинъ,—такого числа дворовыхъ людей, какое встрѣчаемъ въ русскихъ помѣщичьихъ домахъ, и представить себѣ не могутъ".

Рабочую силу крестьянскую и дворовую берегли мало—она стоила дешево. Въ концѣ 18 в. крѣпостныхъ покупали и продавали на рынкахъ оптомъ и въ розницу. Иностранецъ Савва Текели, путешествуя въ то время по Россіи, заѣхалъ между прочимъ въ Тулу. Здѣсь онъ увидѣлъ на площади до 40 дѣвицъ, стоявшихъ толпою. Онъ спросилъ проводника, что онѣ тутъ дѣлаютъ, о чемъ шумятъ. — „Продаются", — равнодушно отвѣтилъ тотъ.—„Что, развѣ люди продаются, какъ скотина?" —вскричалъ Текели.—„А подите къ нимъ сами, посмотрите",—отвѣчали ему. Текели подошелъ къ дѣвушкамъ.—„Купи насъ, господинъ, купи!"—закричали онѣ. Текели поразило, что онѣ выглядятъ такъ весело, и онъ спросилъ ихъ:

„Пошли бы вы за мной, куда бы я васъ ни повелъ?“ —„Намъ все равно—вамъ или другому кому служить!“—отвѣчали онѣ. Проводникъ объяснилъ Текели, что крѣпостные люди въ Россіи не имѣютъ ничего своего, кромѣ души, остальное все принадлежитъ помѣщику. „Помѣщикъ можетъ продать мужа отъ жены, жену отъ мужа, дѣтей отъ родителей, избу, даже одежду своихъ крѣпостныхъ“.

Императоръ Александръ I запретилъ продажу людей на рынкахъ, но вывести ее оказалось трудно. Запрещеніе начали обходить, скрывая слова „купля—продажа“ подъ выраженіемъ: „отдача въ услуженіе“. Одинъ священникъ разсказываетъ со словъ старика, бывшаго крѣпостного: „бывало, наша барыня отберетъ парней да дѣвокъ человѣкъ 30; мы посажаемъ ихъ на тройки, да и повеземъ на Урюпинскую ярмарку продавать. (Дѣло происходило въ Саратовской губ.). Я былъ въ кучерахъ. Сдѣлаемъ тамъ на ярмаркѣ палатку, да и продаемъ ихъ. Больше всего армяне покупали. Коль подойдетъ кто изъ начальства, то барыня говоритъ, что она отдаетъ внаймы. Каждый годъ мы возили. Ужъ сколько вою бывало на селѣ, когда начнетъ барыня собираться въ Урюпино“. Въ 1807 г. производилась ревизія Рязанской губ., и здѣсь сенаторъ-ревизоръ обнаружилъ случаи, когда на ярмарки въ этой губер-

ніи привозили скованными помѣщичьихъ людей для продажи. Тотъ же священникъ, разсказъ котораго мы только что привели, говоритъ: „всѣмъ извѣстны случаи, когда помѣщики-псари на одну собаку мѣняли сотню людей. Случалось, что за борзую отдавали деревни крестьянъ".

Въ 60-хъ годахъ 18-го вѣка обычная цѣна за душу равнялась 30 рублямъ, въ 80-хъ она поднимается до 70 р. и даже до 100. Государственный Заемный Банкъ при пріемѣ имѣній въ закладъ оцѣнивалъ душу въ 40 р. Но продажная цѣна была значительно выше. Въ общемъ, около конца 18-го в. она зависитъ отъ мѣстности и отъ качества товара. Крѣпостные ремесленники, художники, музыканты, вообще всякаго рода искусники цѣнились иногда очень дорого. Такъ, одна крѣпостная актриса была куплена за 5.000 р. Потемкинъ купилъ у фельдмаршала Разумовскаго оркестръ музыкантовъ за 40.000 р., по 800 р. за каждаго. Въ общемъ же, средняя покупная цѣна опредѣляется къ концу 18 в. во 100 р. за душу.

О продажѣ крѣпостныхъ печатали въ тогдашнихъ газетахъ объявленія; печатали также объявленія о наградахъ тѣмъ, кто приведетъ бѣглаго крѣпостного или укажетъ, гдѣ онъ скрывается. Вотъ образчики такихъ объявленій. Въ № 73 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей за 1796 годъ читаемъ: „Нѣкто, отъѣзжая изъ С.-Петербурга, продаетъ

11 лѣтъ дѣвочку и 15 лѣтъ парикмахера, за котораго даютъ 275 рубля; да сверхъ того тамъ же продаются—столы, 4 кровати, стулья, перины, подушки, платяной шкафъ, сундуки, кіота для образовъ и прочій домашній скарбъ". Или такое объявленіе въ № 79 той же газеты: „Литейной части, въ 1-мъ кварталѣ, противъ церкви Симеона Богопріимца, въ домѣ купца Пашневскаго продаются: мужской портной, поваръ, башмачникъ, тамъ же вѣнской прочной работы коляска и хорошо выѣзжанная верховая лошадь. Желающимъ покупать, подастъ свѣдѣнія о цѣнѣ служитель Андрей Димитріевъ".

Если кто нуждался въ людяхъ, тотъ объявлялъ, напримѣръ, такъ: „Желающіе продать лѣтъ 30 бабу, которая бы умѣла шить и гладить бѣлье, могутъ о семъ дать знать"... и далѣе слѣдовалъ адресъ покупщика.

Какъ всякая купленная вещь, крестьянинъ того времени совершенно безправенъ передъ лицомъ своего барина, не смѣетъ даже жаловаться на него, потому что это было запрещено особымъ указомъ, гдѣ говорилось, что если кто изъ крѣпостныхъ людей отважится подать недозволенное закономъ челобитье на помѣщика, особенно въ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, то челобитчикъ, а также и составитель челобитья, будутъ сосланы въ Нерчинскъ, въ

каторжныя работы, съ зачетомъ владѣльцамъ, вмѣсто рекрутовъ. Этотъ указъ велѣно было читать въ продолженіе мѣсяца по церквамъ въ воскресные и праздничные дни.

Для выраженія недовольства своимъ положеніемъ крестьянамъ оставались теперь только недозволенные закономъ пути. Прежде всего они хватаются за средство, уже 300 лѣтъ какъ ставшее обычнымъ,—бѣгутъ въ степи или за границу. Бѣглыми заселяется только что пріобрѣтенная тогда Россіей Новороссія, т. е. нижнее теченіе Днѣпра. Случаи самоубійства среди крестьянъ становятся тоже очень часты. Боязнь жестокаго наказанія, отчаянное горе, оскорбленное достоинство человѣка побуждаютъ крѣпостныхъ налагать на себя руки. Изъ дѣлъ Сквирскаго уѣзднаго суда видно, что въ послѣднее пятилѣтіе существованія крѣпостного права (1855—1860 гг.) случаевъ самоубійства среди крѣпостного населенія уѣзда было 443. Случаи эти приходится всецѣло отнести на счетъ крѣпостного гнета. Такъ какъ въ слѣдующее пятилѣтіе (1861—1866 гг.) въ томъ же уѣздѣ всѣхъ случаевъ самоубійства крестьянъ насчитано 272. Разница слишкомъ велика, чтобы быть случайной. Не менѣе частыми становятся случаи убійствъ помѣщиковъ:—за пять лѣтъ съ 1764 по 1769 гг. въ одной Московской губ. было убито 30 помѣщиковъ и помѣщицъ и сдѣлано 5 покушеній на убійство.

Сами крестьяне, очевидно, не смотрятъ на себя, какъ на вещи, созданныя для произвола помѣщиковъ. Свое подчиненіе господамъ крѣпостные считаютъ лишь особой формой царскаго жалованія дворянамъ за ихъ службу государству и себя считаютъ только во временномъ пользованіи у дворянъ, а не въ рабствѣ. Еще въ началѣ 18 в. Посошковъ говорилъ, что „крестьянамъ помѣщики не вѣковѣчные владѣльцы", что „прямой ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ".

Когда дворяне получили свободу отъ обязательной службы, крестьяне начали считать близкимъ и свое освобожденіе. Стали возникать среди нихъ толки, что указъ о волѣ данъ, но скрывается помѣщиками. По поводу такихъ слуховъ поднимались волненія среди крестьянъ, такъ что для усмиренія требовалось посылать военныя команды, при чемъ происходили настоящія сраженія, имѣвшія въ результатѣ много раненыхъ и убитыхъ съ обѣихъ сторонъ.

Когда вспыхнулъ Пугачевскій бунтъ, то шайки пугачевцевъ въ значительной мѣрѣ пополнялись бѣглыми крѣпостными, и притокъ этихъ бѣглыхъ въ шайки бунтовщиковъ длился до самаго конца подавленія Пугачевщины.

Понятно, что законодательство не могло оставаться совсѣмъ глухимъ къ такому порядку вещей, и правительство постоянно начало обращаться къ

мысли, какъ бы устранить зло. Можно различать два пути, какими шло правительство Екатерины II въ дѣлѣ упорядоченія крѣпостныхъ отношеній. Съ одной стороны можно различать рядъ мѣръ, явно усиливавшихъ крѣпостной гнетъ. Совокупность этихъ мѣръ ярко характеризована въ одномъ указѣ 1792 г., гдѣ читаемъ, что купчія на крѣпостныхъ пишутся и совершаются со взятіемъ пошлинъ, „какъ и на прочее недвижимое имѣніе".

Мы видѣли, что жизнь давно уже поставила крѣпостныхъ въ положеніе неодушевленныхъ вещей, какихъ-то принадлежностей въ хозяйствѣ помѣщика, теперь и въ законѣ читаемъ подтвержденіе житейской практики.

Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить явной склонности правительства къ смягченію крѣпостного гнета. Сама императрица Екатерина II была противъ усиленія помѣщичьей власти и старалась смягчить ее, но въ силу вещей—прежде всего въ силу неясности самыхъ крѣпостныхъ отношеній, когда нельзя было разобрать, на какомъ законномъ основаніи крестьянинъ долженъ повиноваться помѣщику, а потомъ вслѣдствіе того, что дворянство продолжало имѣть первенствующее положеніе въ государствѣ—стремленіе смягчить крѣпостной гнетъ могло проявляться лишь въ сущихъ мелочахъ. Запретили, напр., употреблять молотокъ при продажѣ крѣпостныхъ съ

аукціона, прекратили запись въ крѣпостные незаконнорожденныхъ, стали строже слѣдить за случаями злоупотребленія помѣщичьей властью и т. п. Императрицу возмущало, что съ крѣпостными обращаются, какъ съ безсловесной скотиной, — въ своихъ запискахъ она горько жалуется на такой порядокъ, но и только. Сдѣлать что-либо существенное въ ихъ пользу при существованіи указанныхъ условій не представлялось возможнымъ.

Мало того — императрицѣ пришлось допустить введеніе крѣпостного права въ Малороссіи, гдѣ его до того времени не знали.

Зато при императрицѣ Екатеринѣ II были освобождены крестьяне, принадлежавшія Святѣйшему Синоду, монастырямъ, архіерейскимъ каѳедрамъ, церквамъ.

Послѣ помѣщичьихъ крестьянъ — крестьяне, принадлежавшіе церковнымъ учрежденіямъ, составляли самый большой отдѣлъ въ крѣпостномъ населеніи Россіи. Въ 1760-хъ годахъ 18-го вѣка такихъ крестьянъ насчитывалось 991.761 душъ мужск. пола.

Монастыри были болѣе крупными душевладѣльцами, чѣмъ помѣщики. Въ то время, какъ самый крупный землевладѣлецъ изъ дворянъ — графъ П. Б. Шереметевъ—имѣлъ въ 1767 г. 44.561 душъ мужеск. п., самый крупный землевладѣлецъ-

монастырь—Троицко-Сергіева Лавра — обладала около 106.000 душъ мужеск. п.

Церковныя власти пользовались по отношенію къ крѣпостнымъ имъ крестьянамъ всѣми правами помѣщиковъ, не могли только продавать своихъ крестьянъ, отпускать ихъ на волю, не могли воспрещать вступать имъ въ бракъ по своему желанію, не могли отбирать у нихъ имущество. Крестьяне церковныхъ имѣній имѣли право собственности на движимое имущество, духовныя власти не могли отправлять крестьянъ по собственному усмотрѣнію въ Сибирь, крестьянамъ церковныхъ имѣній не было запрещено закономъ жаловаться на лицъ, которыя ими управляли.

Въ 1764 году всѣ крестьяне церковныхъ учрежденій были переданы въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи, почему и стали называться экономическими.

Вмѣсто прежней барщины и оброковъ, правительство стало собирать съ бывшихъ церковныхъ крестьянъ по полтора рубля съ души въ годъ сверхъ обычнаго подушнаго оклада. Въ 1783 г. этотъ сборъ былъ уравненъ со сборомъ съ казенныхъ крестьянъ, т. е. поднятъ до 3-хъ рублей съ души.

Большая часть земли въ имѣньяхъ, принадлежавшихъ духовенству, была передана въ постоянное владѣніе экономическихъ крестьянъ. Они

получили огромные надѣлы. Даже въ такихъ сравнительно густо населенныхъ губерніяхъ, какъ Тульская или Калужская, имъ было дано по 5—6 десятинъ, въ Орловской по 15, въ Костромской и Нижегородской около 20, въ Петербургской по 28, а въ Новгородской даже по 34 десятины на каждую ревизскую душу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣлы крестьянъ не могли быть выше трехъ десятинъ, правительство разрѣшало крестьянамъ переселяться въ другія мѣстности. Было сдѣлано, словомъ, все, чтобы улучшить положеніе бывшихъ церковныхъ крестьянъ.

„Освобожденіе ихъ, — по замѣчанію историка *русскаго крестьянства* В. И. Семевскаго—было, несомнѣнно, самою великою реформой императрицы Екатерины II“.

Такъ понемногу, благодаря тому, что сама императрица и многіе изъ ея современниковъ постоянно думали о лучшемъ устройствѣ крѣпостного населенія, объ уничтоженіи крѣпостного права, оно переставало казаться чѣмъ-то непоколебимымъ и неустранимымъ.

Мысль о необходимости его отмѣны проникала все болѣе въ общество и находила все болѣе сторонниковъ, которые, разбирая несправедливость владѣнія одних людей другими, выясняли суть крѣпостного права себѣ и другимъ и тѣмъ самымъ клали начало его упраздненію.

Думать же объ упраздненіи крѣпостного права приходилось по необходимости:— результаты его господства слишкомъ ужъ были въ глаза всѣмъ, кому были дороги счастье и благоденствіе Россіи. Посмотримъ, какъ же сказывалось на ходѣ русской жизни господство крѣпостного права.

IV.

Замѣтнымъ явленіемъ русской жизни крѣпостное право было уже по одной своей количественной величинѣ. Къ концу царствованія Екатерины II, по 5-й ревизіи, произведенной въ 1796 г., число крѣпостного населенія Россіи опредѣлилось въ 9 съ небольшимъ милліоновъ душъ при общемъ числѣ населенія въ 36.000.000 душъ. Это значитъ, что на каждыхъ 4 человѣка жителей Россіи приходилось по одному крѣпостному!

По пространству имперіи крѣпостное населеніе распредѣлялось очень неравномѣрно. Въ однѣхъ губерніяхъ крѣпостныхъ было много, а въ другихъ сравнительно мало. Такъ, ко времени упраздненія крѣпостного права, въ Калужской губ. на 100 человѣкъ крестьянъ приходилось 83 крѣпостныхъ, въ Смоленской—80, въ Московской — 66, въ Вятской—2, въ Архангельской ни одного. Въ общемъ, болѣе половины крестьянства, населявшаго среднія губерніи Россіи, принадлежало къ числу крѣпостныхъ.

Такъ какъ срединныя губерніи вообще были населеннѣе остальныхъ, то поэтому въ нихъ больше добывалось всякихъ товаровъ, какіе шли на потребу всей Россіи: - здѣсь добывалось большее количество хлѣба, шедшаго на продажу, здѣсь же сосредоточивались и тѣ фабрики, какія тогда существовали. Для качества и количества вырабатывавшагося здѣсь хлѣба и всякаго рода товаровъ являлось далеко не безразличнымъ, что большинство народа, занятаго здѣсь земледѣліемъ и на фабрикахъ, находилось въ крѣпостной зависимости.

Дѣло въ томъ, что помѣщики, какъ было выше *отмѣчено, являлись полновластными* владѣтелями земли и крѣпостныхъ, обрабатывавшихъ ихъ земли. Помѣщику ничего не стоили рабочія руки и самая обработка земли. Откуда, спрашивается, могло у него явиться при такихъ условіяхъ желаніе лучше устроить обработку земли, а крѣпостныхъ, что можетъ заставить стараться работать возможно лучше и скорѣе, когда имъ приходится работать не на себя и изъ-подъ неволи? Одинъ помѣщикъ въ отвѣтъ на предложеніе завести у себя молотилку наотрѣзъ отказался отъ этого, хотя признавалъ всю пользу этой машины.

— А что мои бабы будутъ тогда дѣлать? — сказалъ онъ спрашивавшему.

Въ барскихъ имѣніяхъ, гдѣ черезъ два-три го-

да мѣнялась мебель въ домѣ, и всѣ владѣльцы были одѣты всегда по модѣ, сплошь и рядомъ не было ни молотилокъ, ни вѣялокъ, ни сѣялокъ. „Усовершенствованіе сельскаго хозяйства въ Россіи, — пишетъ одинъ внимательный наблюдатель, — есть дѣло охотниковъ, любителей, масса же помѣщиковъ къ этимъ улучшеніямъ совсѣмъ равнодушна, потому что не видитъ въ нихъ ни нужды, ни денежнаго расчета“.

Обработка земли велась поэтому изъ рукъ вонъ плохо, никакихъ улучшеній не вводилось, все дѣлалось, какъ повелось отъ дѣдовъ. Не улучшая своего хозяйства, помѣщики тѣмъ самымъ не побуждали и крестьянъ заняться улучшеніемъ способовъ обработки земли. Земля поэтому истощалась, родила хлѣбъ худшаго качества и въ меньшемъ количествѣ. Тогдашніе крестьяне думали помочь бѣдѣ тѣмъ, что старались пахать какъ можно больше, но силъ не хватало,—пахали поэтому хуже и дѣлу нисколько не помогали, а только сами больше изнурялись. Съ другой стороны, — такъ какъ, вслѣдствіе дурной обработки земли, хлѣба производилось меньше, чѣмъ могло бы, то меньше поступало его и на рынокъ,—отсюда вытекаетъ постоянное стремленіе продавцовъ повышать цѣну хлѣба.

Платя дороже за хлѣбъ, человѣкъ того времени, такъ сказать, обдѣлялъ себя при покупкѣ

другихъ предметовъ, необходимыхъ для жизни. А это сказывалось, въ свою очередь, на развитіи промышленности и торговли.

Подневольность крѣпостного труда то же отражалась невыгоднымъ образомъ и на развитіи фабричной промышленности того времени.

У многихъ помѣщиковъ были свои фабрики и заводы — суконные, сахарные, винокуренные и др. Цѣлыя села и деревни бывали приписаны къ фабрикамъ, и населеніе ихъ должно было работать на нихъ, какъ крѣпостные земледѣльцы работали на помѣщичьихъ поляхъ.

Петръ Великій, въ заботахъ о насажденіи въ Россіи фабричной промышленности, нужной ему для болѣе дешеваго веденія его обширнаго военно-морского хозяйства, указомъ, изданнымъ въ 1721 году, разрѣшилъ дворянамъ и купцамъ покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ для работы на нихъ. Купленные къ фабрикѣ крестьяне считались не собственностью владѣльцевъ фабрикъ, а какъ бы живымъ инвентаремъ самыхъ фабрикъ, прикрѣплялись къ этимъ фабрикамъ и заводамъ, такъ что владѣлецъ фабрики не могъ ни продавать, ни закладывать крестьянъ отдѣльно отъ фабрики.

Съ конца 18-го вѣка такіе прикрѣпленные къ фабрикамъ крестьяне стали называться поссессіонными. Ихъ было немного—всего по 10-ой ревизіи

числилось поссессіонныхъ мужескаго пола 23.853 души. Не надо думать, что поссессіонные крестьяне только на фабрикахъ и работали. Этого нельзя сказать даже о поссессіонныхъ крестьянахъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ. Въ большинствѣ случаевъ фабричные крестьяне имѣли небольшіе надѣлы, которые обработывали подъ огороды; пользовались они также лугами и лѣсомъ, но пашни пахали очень мало.

За свою работу на фабрикахъ поссессіонные крестьяне получали заработную плату, которая, по закону, должна была быть „достаточна". Рабочіе поссессіонной фабрики могли жаловаться, если бывали недовольны платой и порядками, установленными на заводѣ фабрикантомъ. Фабрикантъ имѣлъ право наказывать рабочихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ссылать въ Сибирь, но всегда съ разрѣшенія чиновника, поставленнаго правительствомъ для наблюденія за поссессіонными крестьянами.

Безъ разрѣшенія правительства фабрикантъ не имѣлъ даже права переводить рабочихъ съ одной фабрики на другую, а также измѣнять самое производство, напримѣръ, суконное на прядильное или наоборотъ.

За неисполненіе предписаній правительства фабрика могла быть отобрана у фабриканта, за жестокое обращеніе съ рабочими правительство

въ нѣкоторыхъ случаяхъ освобождало ихъ отъ прикрѣпленія къ фабрикѣ.

Работали на поссессіонныхъ фабрикахъ отъ 12 до 17 час. круглый годъ, за исключеніемъ, конечно, воскресныхъ и праздничныхъ дней. Платили поссессіоннымъ рабочимъ обыкновенно на цѣлую треть меньше того, что получали рабочіе вольнонаемные. На нѣкоторыхъ фабрикахъ совсѣмъ ничего не платили, но тогда работа производилась „башъ на башъ", т. е. крестьяне работали полгода на себя, а полгода на фабриканта.

Всюду возможныя злоупотребленія, особенно въ тогдашнее крѣпостное время, приводили къ тому, что положеніе поссессіонныхъ рабочихъ было тяжело. Часты были случаи, когда даже малолѣтніе рабочіе работали по 15 — 17 часовъ въ сутки; заработная плата была очень низка; часто фабриканты заставляли рабочихъ заниматься не фабричной, а другой работой.

Все это создавало изъ поссессіонныхъ рабочихъ очень неспокойный классъ населенія. Къ тому же, по мѣрѣ улучшенія техники и расширенія сбыта, поссессіонный трудъ дѣлался невыгоднымъ фабриканту.

Какъ бы ни мѣнялся спросъ на товаръ, фабрикантъ былъ обязанъ кормить рабочихъ и давать имъ работу. А хуже оплачиваемые поссес-

сіонные, подневольные рабочіе, кромѣ того, и работали хуже и менѣе споро, чѣмъ вольнонаемные.

Въ 1833 г. поссессіонный фабрикантъ Осокинъ писалъ, „что введеніе прядильныхъ и трепальныхъ машинъ, употреблявшихся на московскихъ суконныхъ фабрикахъ, чрезвычайно удешевило бы производство; тѣмъ не менѣе, хотя у него имѣлось 33 машины, но онъ можетъ пускать изъ нихъ въ дѣйствіе не болѣе семи, потому что если бы пустить машинъ больше, то многіе поссессіонные мастеровые остались бы совсѣмъ безъ дѣла, а плату пришлось бы имъ платить все равно прежнюю“.

Конечно, при такихъ обстоятельствахъ поссессіонныя фабрики только стѣсняли своихъ владѣльцевъ, и когда правительство, уже при императорѣ Николаѣ I, закономъ 1840 года дало возможность владѣльцамъ поссессіонныхъ фабрикъ освобождать своихъ рабочихъ, то фабриканты стали широко пользоваться этимъ закономъ.

Всѣ эти обстоятельства, т. е. невыгодность подневольнаго труда, развитіе техники, невозможность приспособляться къ колебаніямъ спроса, стѣсняя развитіе фабрикъ, задерживали и вообще развитіе промысловъ въ странѣ. Къ такому исходу приводилъ весь строй крѣпостного хозяйства. Всякій разъ, когда въ этомъ хозяй-

ствѣ возникала какая-либо нужда въ чемъ-нибудь, крѣпостной человѣкъ тотчасъ же долженъ былъ эту нужду устранить. Нужно было помѣщику домъ построить — его строили крѣпостные; понадобится разбить садъ—и это исполняютъ тѣ же крѣпостные; явится надобность сшить сапоги или платье—можно заставить крѣпостного, выученнаго подходящему ремеслу. Къ тому же и весь сырой матеріалъ, нужный на всѣ такія надобности, былъ свой и *находился подъ рукой*. Живя, такимъ образомъ, почти исключительно своими средствами, крѣпостное хозяйство мало обращалось на сторону. А извѣстно, что гдѣ нѣтъ спроса на трудъ промышленный и ремесленный, тамъ онъ и не можетъ развиваться. Въ самомъ дѣлѣ,—зачѣмъ фабрикантъ будетъ заводить фабрики, когда работа ихъ мало кому нужна? Зачѣмъ ремесленникъ будетъ работать, если ему почти никто ничего не заказываетъ? Какъ купцу вести торговлю, если нѣтъ покупателей?

Русское государство того времени несетъ большіе убытки, переплачивая много денегъ за заграничные товары, которые можно было бы вырабатывать и у себя, если бы не господство крѣпостного права.

Въ связи съ господствомъ крѣпостного права, задерживавшаго развитіе торговли и промышленности, стоитъ слабое развитіе городовъ и

путей сообщенія. Это и понятно—нечего и некуда возить. Всякій находитъ нужное ему подъ рукой, на мѣстѣ. Къ тому же, благодаря даровому крѣпостному труду, все это немногое необходимое дешево. А низкій уровень развитія населенія не даетъ много воли не только прихотямъ, но и простому желанію увеличивать удобства жизни.

Задерживая развитіе земледѣлія, промышленности и торговли, крѣпостное право являлось главнѣйшей причиной бѣдности русскаго государства и народа. Иначе и не могло быть, когда крестьянинъ, главный плательщикъ государственныхъ податей и налоговъ, находился въ полной зависимости отъ помѣщика. Всякій излишекъ, который оказывался у крестьянъ, попадалъ обыкновенно въ руки помѣщика. Казна не могла поэтому увеличивать подати и налоги, а крестьяне лишались возможности покупать себѣ что-либо сверхъ самаго необходимаго.

Не менѣе важны и обще-культурныя послѣдствія крѣпостного права. Отдавъ крестьянина въ полную зависимость помѣщику, оно рѣзко раздѣлило всѣхъ русскихъ людей на двѣ во всемъ неравныя половины. Къ услугамъ помѣщиковъ, располагавшихъ даровымъ трудомъ крестьянъ, а потому обширнымъ досугомъ и средствами, были и науки, и просвѣщеніе, и искусство. Крѣпостной крестьянинъ, заваленный подневольною ра-

ботой, приниженный и обезличенный, не всегда имѣлъ достаточно досуга даже для того, чтобы помолиться Богу.

Въ такъ сложившихся отношеніяхъ слѣдуетъ искать причину до сихъ поръ еще не сгладившейся розни между „мужикомъ“ и „бариномъ“. Мы присмотрѣлись къ этой розни, особенно къ внѣшней ея сторонѣ, и она не бросается намъ въ глаза съ особой рѣзкостью; зато иностранцевъ она поражаетъ. Въ „баринѣ“ они всегда безъ труда признаютъ ровню себѣ и по одеждѣ, и по привычкамъ, и по интерессамъ, „мужикъ“ же кажется имъ человѣкомъ другого племени, какой-то очень любопытной диковинкой.

Внутреннюю же розиь мы можемъ ощущать и сами. Сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что при случайныхъ встрѣчахъ за однимъ дѣломъ „мужикъ“ и „баринъ“ долго не понимаютъ одинъ другого, при простыхъ же, не дѣловыхъ отношеніяхъ имъ часто нечего сказать другъ другу. И это не потому, чтобы не нашлось общаго матеріала для разговора, а только потому, что они не привыкли и не умѣютъ говорить другъ съ другомъ.

„Баринъ“, живя долгое время на счетъ „мужика“, быть можетъ, вовсе ужъ не такъ далеко оставилъ за собой послѣдняго, но многимъ кажется, что далеко. Отъ иного барина можно услышать мнѣніе, что съ „мужикомъ“ и говорить-то нужно

по особенному. Съ другой стороны, и крестьяне, привыкнувъ за время господства крѣпостного права видѣть въ каждомъ образованномъ человѣкѣ „барина", конечно, не могли относиться къ нему съ полнымъ довѣріемъ и дружелюбіемъ. Пріобрѣтенная вѣками привычка быстро исчезнуть не можетъ, и потому не мудрено, что крестьяне сохранили привычку чуждаться барина и до сихъ поръ, когда образованными стали не одни „господа", а и люди, вышедшіе изъ того же крестьянства. Будемъ надѣяться, что равномѣрное распространеніе просвѣщенія можетъ сгладить указанную рознь и объединить всѣхъ русскихъ людей на общую ихъ пользу и счастье родины.

Вредныя послѣдствія крѣпостного права сознавались и чувствовались лучшими русскими людьми съ очень давнихъ поръ. Толки о необходимости перемѣнъ въ положеніи крѣпостного крестьянства слышались постоянно въ самыхъ различныхъ кругахъ русскаго общества. Правительство изрѣдка принимало мѣры, чтобы хоть немного ограничить крѣпостной произволъ. Но и только. Затронуть вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ представлялось невозможнымъ потому, что если освобождать крестьянъ отъ власти помѣщиковъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ надо было отнимать у нихъ землю, такъ какъ земля по закону принадлежала помѣщикамъ, и никому больше, кромѣ, разумѣется,

казны, принадлежать не могла. Что же будетъ дѣлать, чѣмъ будетъ жить освобожденный, но обезземеленный крестьянинъ? Ему придется опять, постарому, арендовать землю у помѣщика, другими словами—крестьянству придется повторить все то, что оно пережило, дѣлаясь понемногу крѣпостнымъ. Вѣдь, изъ аренды и выросла крѣпостная зависимость. Если же, освобождая крестьянъ отъ крѣпости, дать имъ и землю—то гдѣ ее взять? Купить у помѣщика—на какія средства? Если оставить землю въ собственности помѣщика, но обязать его отдавать опредѣленную часть ея въ пользованіе крестьянамъ за извѣстную плату съ ихъ стороны, то это, во-первыхъ, стѣснитъ личную свободу крестьянъ, а, во-вторыхъ, во многомъ затронетъ интересы помѣщиковъ къ ихъ невыгодѣ.

Вотъ въ какія затрудненія ставило русскихъ людей конца 18-го и начала 19-го в. крѣпостное право. Казалось, что оно висѣло надъ русской землей какимъ-то неустранимымъ и неизбѣжнымъ зломъ, не давая ходу впередъ ничему доброму, свѣтлому, задерживая развитіе какъ просвѣщенія, такъ и народнаго благосостоянія. Между тѣмъ, жизнь, независимо отъ всякихъ разсужденій, сама создавала понемногу паденіе крѣпостного права, и самые толки о возможности и необходимости отмѣны его являлись только слѣдомъ ея невидимой работы.

———

V.

Къ началу 19-го в. „дворянскія гнѣзда“ широкою сѣтью раскинулись по среднему пространству Россіи. „Болѣе богатыя имѣнья располагались по берегамъ большихъ рѣкъ, куда ихъ влекла цѣнность угодій: лѣсовъ, поемныхъ луговъ и проч. Помѣщики помельче забивались вглубь, гдѣ природа представляла относительно мало выгодъ, но зато никакой взглядъ туда не заглядывалъ... и мужицкая спина съ избыткомъ вознаграждала за отсутствіе цѣнныхъ угодій. Часто четыре-пять мелкопомѣстныхъ усадебъ стояли бокъ-о-бокъ или черезъ дорогу; поэтому круговое посѣщеніе сосѣдей сосѣдями вошло почти въ ежедневный обиходъ. Появилось раздолье, хлѣбосольство, веселая жизнь. Каждый день гдѣ-нибудь гости, а гдѣ гости, тамъ вино, пѣсни, угощенье. На все это требовались ежели не деньги, то даровой припасъ. Поэтому, ради удовлетворенія цѣлямъ раздолья, неустанно выжимался послѣдній мужицкій сокъ, и мужики, разумѣется, не сидѣли, сложа руки, а кишѣли, какъ муравьи, въ окрестныхъ поляхъ.

Всякій, сколько-нибудь предусмотрительный помѣщикъ, еще въ стародавнія времена захватилъ столько земли, что не въ состояніи былъ ее обрабатывать всю, несмотря на крайнюю растяжимость

крѣпостного труда... Лѣса горѣли, гнили на корню и загромождались валежникомъ и буреломомъ. Болота заражали окрестность міазмами, дороги не просыхали въ самые сильные лѣтніе жары... Деревни ютились около самыхъ помѣщичьихъ усадебъ, а особнякомъ проскакивали рѣдко...

Только около мелкихъ усадебъ прорывались свѣженькія прогалины; только тутъ всю землю старались обработать подъ пашни и луга. Зато непосильною барщиною мелкопомѣстный крестьянинъ до того изнурялся, что даже по наружному виду можно было сразу узнать его въ толпѣ другихъ крестьянъ. Онъ былъ и испуганнѣе, и тощѣе, и слабосильнѣе, и малорослѣе. Однимъ словомъ, въ общей массѣ измученныхъ людей былъ самымъ измученнымъ. У многихъ мелкопомѣстныхъ мужикъ работалъ на себя только по праздникамъ, а по буднямъ—въ ночное время. Такъ что лѣтняя страда этихъ людей просто-на-просто превращалась въ сплошную каторгу.

Помѣщичьи усадьбы средней руки не отличались ни изяществомъ, ни удобствами. Обыкновенно, онѣ устраивались среди деревни, чтобъ было сподручнѣе наблюдать за крестьянами. Сверхъ того, мѣсто для постройки выбиралось непремѣнно въ лощинкѣ, чтобъ было теплѣе зимой. Дома почти у всѣхъ были построены одинаково: одноэтажные, продолговатые, на манеръ длинныхъ комо-

довъ; ни стѣны, ни крыши не красились; окна имѣли старинную форму, при которой нижнія рамы поднимались вверхъ и подпирались подставками. Въ шести-семи комнатахъ такого четырехугольника, съ колеблющимися полами, нештукатуренными стѣнами ютилась дворянская семья, иногда очень многочисленная, съ цѣлымъ штатомъ дворовыхъ людей, преимущественно дѣвокъ, и съ наѣзжавшими отъ времени до времени гостями.

О паркахъ и садахъ не было и помина; впереди дома раскидывался крохотный палисадникъ, обсаженный акаціями и наполненный по части цвѣтовъ —барскою спесью, царскими кудрями и буро-желтыми бураками. Сбоку, поближе къ скотнымъ дворамъ, выкапывался небольшой прудъ, который служилъ скотскимъ водопоемъ и поражалъ своею неопрятностью и вонью. Сзади дома устраивался незатѣйливый огородъ съ ягодными кустами и наиболѣе цѣнными овощами: рѣпой, русскими бобами, сахарнымъ горохомъ и проч.

Разумѣется, у помѣщиковъ, болѣе зажиточныхъ, усадьбы были обширнѣе. Но общій характеръ для всѣхъ существовалъ одинъ и тотъ же. Не о красотѣ, не о комфортѣ и даже не о простотѣ тогда думали, а о томъ, чтобы имѣть теплый уголъ и въ немъ достаточную степень сытости" (М. Е. Салтыковъ, „Пошехонская старина" 5—8).

По словамъ князя Н. Волконскаго, крѣпостное

имѣнье начала 19-го вѣка представляло изъ себя замкнутый въ себѣ самомъ хозяйственный мірокъ, всѣ силы котораго были направлены къ достиженію одной цѣли: производству вещей, нужныхъ для удовлетворенія потребностей хозяина этого мірка—барина.

Только то, чего нельзя было произвести дома, получалось извнѣ, и на пріобрѣтеніе такихъ предметовъ надо было выработать въ хозяйствѣ извѣстное количество хлѣба или другого продукта, который можно было бы продать для полученія денегъ, на которыя уже пріобрѣталось все, что было нужно помѣщику.

„Число покупныхъ предметовъ въ помѣщичьемъ обиходѣ начала 19-го вѣка было еще очень невелико. Все было еще свое, домашнее. Что покупалось тогда? Покупными были развѣ вина да пряности, нѣкоторые сухіе плоды, не произрастающіе въ нашемъ климатѣ, въ родѣ изюма, миндаля, чернослива, нѣкоторыя закуски, рыба съ икрой,—въ тѣхъ случаяхъ, когда, впрочемъ, у владѣльца не было имѣнія на рыбной рѣкѣ, откуда эти припасы можно бы было получать съ крестьянъ оброкомъ. Покупали чай да сахаръ, считавшіеся больше лакомствомъ, роскошью, чѣмъ пищей, да и то еще сахаръ, гдѣ можно, замѣняли своимъ медомъ, а чай сбитнемъ. И чай и сахаръ расходовались больше на угощс-

ніе гостей, а не на свое ежедневное употребленіе. Чая во многихъ домахъ дѣтямъ не давали въ видахъ экономіи. Изъ предметовъ, служившихъ для одежды, покупными были лишь ткани, изъ которыхъ шилось платье, и то не всегда, да кожа для обуви, да еще металлическія вещи.

Самое шитье, какъ платья такъ и обуви, все бѣлье, всѣ украшенія, кромѣ металлическихъ, изготовлялись дома, начиная съ нитокъ, которыми шили, и изъ которыхъ ткалось полотно, до кружевъ и блондъ, которыми украшались выѣздные дамскіе наряды.

Въ самыхъ покупкахъ соблюдалась величайшая экономія. Не жалѣли денегъ развѣ только для праздничныхъ нарядовъ, въ которыхъ ѣздили въ гости, въ обыденной же жизни и богатыя помѣщицы зачастую обходились какимъ-нибудь ситцемъ, да изрѣдка кисеей. Въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ и кожа на обуви была своего издѣлья. Объ одеждѣ рабочихъ, дворни и говорить нечего: она была домашняго приготовленія. Изъ другихъ предметовъ домашняго обихода покупались свѣчи да мыло".

„Мой дѣдъ, Петръ Васильевичъ Колобовъ,— пишетъ князь Н. Волконскій,—владѣвшій къ концу своей жизни 500 душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ, говаривалъ:

— Съ ума сойду, коли зажгу стеариновую свѣчку и стану пить французское шампанское!

Онъ разрѣшилъ себѣ и то и другое въ первый разъ лишь въ день свадьбы дочери въ 1846 году. До того времени у него въ домѣ обходились по праздникамъ „донскимъ", пріобрѣтавшимся въ Лебедяни на ярмаркѣ, и жгли сальныя свѣчи.

Во многихъ хозяйствахъ и свѣчи приготовлялись дома; получше отливались въ формы, попроще приготовлялись посредствомъ маканія фитиля въ сало. Мебель въ домѣ была тоже вся своя. Покупались развѣ нѣкоторые экипажи, въ родѣ каретъ или знаменитыхъ оводовскихъ тарантасовъ, но остальные экипажи—разныя брички и проч.—дѣлались тоже дома.

Если въ то время что нравилось помѣщику, то онъ посылалъ крѣпостного человѣка выучиться, какъ это дѣлать.

Пріобрѣталось желѣзо, соль, деготь и лѣсной матеріалъ, когда у помѣщика своего лѣсу не было. Крестьяне покупали нужное имъ у помѣщиковъ. Сельско-хозяйственныя орудія изготовлялись дома, своими кузнецами, замки замѣнялись щеколдами. Дворня получала свѣчи только для работы на барина, а дома, у себя, должна была, какъ и крестьяне, жечь для освѣщенія лучину.

Все покупное казалось дорогимъ, — все свое, домашнее, не цѣнилось".

При такомъ хозяйственномъ порядкѣ, дворня достигала, конечно, большихъ размѣровъ. „Въ имѣніи моего дѣда,—продолжаетъ Н. Волконскій,— въ которомъ по 10-й ревизіи числилось 77 душъ мужск. пола, лѣтнія хаты дворовыхъ занимали порядочное пространство. Сколько помнится, ихъ было дворовъ около десяти. Зимой дворовые размѣщались въ домѣ и во флигеляхъ. Правда, это было имѣнье, гдѣ дѣдушка жилъ самъ, и въ другихъ имѣньяхъ дворовыхъ было у него гораздо меньше.

Довольно обширная дѣвичья наша уже на моей памяти, стало быть во время хозяйства моего отца, сильно сократившаго дворню, была полна работницами, кружевницами и вышивальщицами, работавшими подъ руководствомъ бабушки для домашняго обихода. Я помню, долго послѣ освобожденія лежали у насъ на складочномъ дворѣ запасы мѣдныхъ бёрдъ отъ бывшихъ домашнихъ ткацкихъ станковъ. Полотно, скатерти, вытканныя на этихъ станкахъ крѣпостными руками, не перевелись и теперь (писано въ 1898 году), удовлетворивъ въ теченіе 40 лѣтъ послѣ прекращенія ихъ производства послѣдовательныя нужды трехъ большихъ семействъ, и до сихъ поръ, напримѣръ, мы ѣдимъ на скатертяхъ крѣпостного издѣлія".

„Лакеевъ, сколько помню, было только четверо, прежде же, вѣроятно, больше. Тѣмъ не менѣе, когда, бывало, по именинным днямъ съѣдутся сосѣди, при чемъ каждый привезетъ, по тогдашнему обычаю, свою прислугу, то въ столовой представлялось какъ будто ихъ было столько же, сколько и господъ. Такъ и должно было быть на парадныхъ обѣдахъ: за каждымъ гостемъ долженъ былъ стоять особый лакей.

Поваровъ было двое съ помощникомъ, столяровъ трое—всѣ выученные въ Москвѣ. Кузнецъ одинъ, при немъ молотобоецъ. При господскихъ дѣтяхъ полагалось по нянькѣ при каждомъ. Остальныхъ дворовыхъ, скотницъ, птичницъ и т. п. было по нѣсколько человѣкъ. Въ средѣ дворовыхъ были свой портной и свой башмачникъ.

Все это было въ имѣніи у помѣщика, владѣвшаго 500 душъ крестьянъ, считавшагося очень бережливымъ хозяиномъ, и дѣйствительно бывшаго таковымъ, водившаго своихъ дочерей, во избѣжаніе привычки къ роскоши, не иначе, какъ въ ситцѣ, и дозволявшаго имъ имѣть не болѣе одного праздничнаго шерстяного или кисейнаго платья, считавшаго употребленіе стеариновыхъ свѣчей безуміемъ. У другихъ, болѣе широко жившихъ помѣщиковъ того времени дворня и количество припасовъ, шедшихъ на ея содержаніе, бывали еще значительнѣе“.

Содержаніе такой дворни требовало не мало средствъ отъ хозяйства: надо же, вѣдь, было размѣстить, накормить, одѣть всю эту ораву, но тогда это не считалось обременительнымъ, такъ какъ денегъ не требовало, а между тѣмъ, при случаѣ, дворовыхъ можно было заставить и въ полѣ поработать. Въ имѣніи дѣда князя Н. Волконскаго всѣ дворовые должны были знать всѣ полевыя работы, и въ рабочую пору въ его имѣніи всѣ дворовыя женщины, кромѣ кружевницъ и вышивальщицъ, которымъ важно было не испортить пальцевъ, брались за серпы; столяры, кузнецы, кучера, лакеи и проч. бросали свои обычныя занятія и выходили въ поле помогать при уборкѣ.

На помѣщичьихъ поляхъ многое сѣялось въ томъ или иномъ размѣрѣ не потому только, что на эти хлѣба былъ спросъ, и ими можно было выгодно торговать. Сѣялось больше для собственнаго обихода—гречиха и пшено на крупу, ячмень на солодъ, ленъ и конопля на пряжу — всего лишь столько, сколько могло понадобиться въ собственномъ хозяйствѣ. Овцы разводились на шерсть себѣ, козы иной разъ только потому, что владѣлецъ былъ охотникъ до молодой козлятины, или хозяйка любила издѣлія изъ козьяго пуха.

Среди помѣщиковъ и самыя имѣнья цѣнились

не только по доставляемому ими денежному доходу, но и по тѣмъ удобствамъ, которыя то или иное имѣнье доставляло своему владѣльцу. Одно имѣнье цѣнилось потому, что въ немъ хорошо родится ленъ, другое за то, что въ немъ есть прудъ, а въ пруду рыба, третье за то, что близко отъ имѣнья родственниковъ: — „Поѣдешь туда и къ роднымъ заѣдешь". Столь разнообразны были причины, составлявшія для помѣщика цѣнность имѣнія.

Что касается денежныхъ доходовъ помѣщиковъ съ имѣній, то размѣры ихъ зависѣли, конечно, отъ числа крѣпостныхъ душъ, платившихъ оброкъ. Размѣры оброка попрежнему, и въ началѣ 19-го вѣка, продолжали быть различны. Средній денежный оброкъ съ тягла не превышалъ 40 рубл. ассигнаціями. Въ Муромскомъ имѣніи князя Волконскаго въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка взималось съ каждаго изъ 39½ тяголъ денежнаго оброку 40 руб. ассигнаціями, затѣмъ взимался, по обычаю, всякій столовый запасъ. Со всѣхъ 39½ тяголъ въ этомъ имѣніи собиралось 19½ пудовъ льну, по 13 аршинъ съ бабы льняного холста и по 10 аршинъ съ дѣвки, начиная съ 10-лѣтняго возраста; затѣмъ съ бабы сухихъ бѣлыхъ грибовъ по 1 ф., сушеныхъ раковыхъ шеекъ по ⅛ фунту, груздей соленыхъ со всѣхъ бабъ одно ведро и два пуда мыла тоже со всѣхъ. Кромѣ того, за

пользованіе рыбными ловлями по Окѣ крестьяне должны были доставлять къ 6-му декабря 2 пуда рыбы—1 пудъ стерлядей и 1 пудъ лещей.

„Время уплаты такого оброка, — вспоминаетъ князь Н. Волконскій, — было и для насъ, дѣтей, праздникомъ, такъ какъ сверхъ условленнаго муромскіе крестьяне, обыкновенно, привозили ужъ отъ себя, на поклонъ, муромскихъ колачей, орѣховъ, разныхъ сластей. За это ихъ угощали водкой, и, обыкновенно, пользуясь случаемъ, они выхлопатывали у бабушки какую-нибудь отсрочку или скидку въ денежномъ оброкѣ".

Далеко не всѣ, однако, помѣщики умѣли жить по своимъ средствамъ, бережливо и экономно, какъ жилъ дѣдушка князя Н. Волконскаго. Уже его наслѣдники стали жить шире. Починъ широкому житью клали, конечно, помѣщики—богатеи, за которыми числились тысячи душъ крѣпостныхъ и тысячи десятинъ земли.

Такихъ богачей было немного. Очень, очень рѣдко на однообразной русской равнинѣ, гдѣ-нибудь на высокомъ берегу полноводной рѣки возвышались каменные дома-дворцы богатѣйшихъ помѣщиковъ, утопавшіе въ зелени обширныхъ парковъ. Съ террасъ такихъ домовъ открывались великолѣпные виды на необъятную русскую ширь, на поемные луга, дальнія села, подернутые синевой тумана лѣса. Какихъ затѣй только не

было около этихъ усадебъ: цвѣтники, оранжереи, пруды съ каскадами, гротами, чугунными мостами; по парку разставлены гипсовыя, а то и мраморныя статуи, понастроены всякія бесѣдки...

У такого помѣщика-богатея непремѣнно имѣлся собственный конскій заводъ, около котораго строили манежъ для верховой ѣзды и расчищали обширный кругъ для бѣговъ и скачекъ. У него имѣлся собственный театръ съ крѣпостными актерами, свой оркестръ, свои пѣвчіе, и ужъ непремѣнно онъ обладалъ огромной псовой охотой, помѣщавшейся на особомъ псарномъ дворѣ. Въ великолѣпныхъ палатахъ такихъ баръ задавались пиры со всякими затѣями на всю дворянскую округу. Гулянье длилось иной разъ по цѣлымъ недѣлямъ, разнообразясь всякими потѣхами, начиная съ прекрасно поставленныхъ театральныхъ представленій и кончая буйной псовой охотой.

Слава о роскошной жизни богачей-помѣщиковъ, обладавшихъ тысячами душъ крестьянъ, разносилась далеко. За богатыми тянулись жить на широкую ногу и тѣ, кто были побѣднѣе. Но, живя со всякими затѣями, сверхъ средствъ, они не только обремсняли своихъ крестьянъ непосильнымъ трудомъ, но и принуждены были закладывать свои имѣнья въ казну. Понемногу долгъ помѣщиковъ казнѣ возросъ до огромныхъ размѣровъ. Въ 1843 г.

въ Государственномъ Заемномъ банкѣ и Сохранныхъ казнахъ было заложено 5,575,515 душъ мужск. п. Въ 1852 году заложено было 5,843,735 душъ мужск. п. Слѣдовательно, въ залогѣ у казны находилось болѣе половины (54%) всѣхъ крѣпостныхъ. Въ 1856 году на одну ревизскую душу въ заложенныхъ имѣніяхъ приходилось долгу казнѣ по 69 рубл., а къ 1 января этого года въ Государственномъ Заемномъ банкѣ и по Опекунскимъ совѣтамъ было заложено уже 6,028,794 душъ мужск. п. Общая сумма долга помѣщиковъ казнѣ простиралась до полумилліарда. Помѣщики еле справлялись съ уплатой % по этому долгу, и многіе изъ нихъ невольно приходили къ мысли, что было бы не дурно раздѣлаться со столь невыгодной собственностью, какъ крѣпостныя души.

Имѣнья неоплатно задолжавшихъ помѣщиковъ шли съ молотка и раскупались обыкновенно другими, болѣе самостоятельными помѣщиками. Такимъ путемъ все меньше и меньше становилось помѣщиковъ. По 8-й ревизіи, произведенной въ 1836 г., помѣщиковъ считалось 127.103 человѣка. По 10-й—ихъ числится только 103.880 человѣкъ. Разница—въ 23.223. Это значитъ, что изъ каждой сотни помѣщиковъ по записи 1836 г. къ 1858 г. убыло 18 чел. (18%).

Помѣщиковъ - душевладѣльцевъ становилось меньше не потому только, что они, задолжавъ

неоплатно, лишались своихъ имѣній. Усилилась вообще продажа населенныхъ имѣній, потому что крѣпостной трудъ становился все дороже, и владѣть крѣпостными становилось невыгоднымъ.

На первый взглядъ, что можетъ быть выгоднѣе для помѣщика крѣпостного труда: онъ, вѣдь, даровой? Но даровщина эта кажущаяся, и на самомъ-то дѣлѣ помѣщику приходится платить крѣпостному, выдѣляя ему извѣстный клочокъ земли для собственнаго хозяйства крестьянина. Пока земля была дешева, помѣщику было неубыточно давать ее крестьянамъ. Но съ конца 18 и начала 19 вѣковъ земля стала подниматься въ цѣнѣ, потому что съ этого времени стала расширяться торговля хлѣбомъ. Подымалась цѣна на хлѣбъ, значитъ, увеличивалась доходность земли, больше становилась, слѣдовательно, и ея стоимость. Чѣмъ цѣннѣе становился клочокъ земли, отданный крѣпостному, тѣмъ, значитъ, дороже обходились помѣщику его услуги. . .

А такъ какъ, кромѣ всего этого, подневольный крѣпостной работникъ и работаетъ всегда хуже и медленнѣе, нежели работникъ свободный, то невыгоды обладанія крѣпостными становились еще замѣтнѣе. Въ 1845 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій уже указываетъ, что „опыты обработки земли наемными людьми въ губерніяхъ Саратовской, Тамбовской, Пензенской,

Воронежской и др. показали, что тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ наемныхъ рабочихъ, владѣлецъ ненаселенной земли при наймѣ ихъ оставался въ выигрышѣ противъ помѣщика". . . .

Уменьшенiе числа помѣщиковъ сопровождалось уменьшенiемъ числа крѣпостныхъ. Такъ—по 8-й ревизiи на 100 человѣкъ общаго числа населенiя Россiи приходилось 45 человѣкъ крѣпостныхъ (45%), по 10 й—ихъ приходится на сотню уже 37 человѣкъ (37%).

Это уменьшенiе числа крѣпостныхъ зависѣло отъ многихъ причинъ, — между прочимъ, отъ перехода значительнаго числа ихъ въ государственные, вслѣдствiе покупокъ казной продававшихся съ аукцiона имѣнiй и отпусковъ на волю. Затѣмъ, становились свободными всѣ взятые въ рекруты, всѣ крестьяне выморочныхъ и отчужденныхъ въ казну имѣнiй.

Въ результатѣ, возрастанiе крѣпостного населенiя Россiи не только прiостановилось, но оно стало, хотя и медленно, но все же уменьшаться. Такъ, по 8-й ревизiи крѣпостныхъ душъ мужескаго пола считалось 10.872.229; по 9-ой—числится ихъ уже 10.708.856 (убыль составляетъ 15%). Наконецъ, по 10 ревизiи крѣпостныхъ считается еще меньше: 10.698.139 душъ мужескаго пола. И это въ то время, какъ все населенiе Россiи

увеличилось съ 53.680.000 человѣкъ по 8 ревизіи до 62.600.000 человѣкъ по 10-й. Несомнѣнно, что это уменьшеніе числа крѣпостныхъ во многихъ случаяхъ зависѣло отъ того, что сократился естественный приростъ крѣпостного населенія. Меньше стало родиться людей. Такъ всегда бываетъ, когда какому-либо народу почему-либо жить становится непосильно тяжело. Жизнь крестьянъ во время крѣпостного права была настолько неправильна, настолько зависѣла отъ произвола помѣщика, что уменьшеніе количества рожденій никого удивлять не можетъ.

Изъ всего сказаннаго можно заключить одно: крѣпостное право въ 19 в. падаетъ само собой, гніетъ въ корнѣ, разрушается отъ своихъ собственныхъ послѣдствій. Меньше становится и помѣщиковъ и крѣпостныхъ. Дѣлу разрушенія его не мало способствуетъ законодательство, потому что и для государства существованіе крѣпостного права было очень невыгодно.

Помѣщики издавна привыкли думать, что крѣпостные—ихъ полная частная собственность, которой они могутъ распоряжаться, какъ имъ заблагоразсудится. Поэтому большинство помѣщиковъ облагало крестьянъ такими поборами, что послѣдніе никоимъ образомъ не могли скопить себѣ никакого излишка, а поэтому и казна не могла увеличивать съ *надеждой на успѣхъ* подати и налоги.

Чтобы устранить это послѣдствіе крѣпостного права, государственнымъ дѣятелямъ приходилось подумать о рѣшительномъ вмѣшательствѣ государства во взаимныя отношенія господъ и крестьянъ.

Начало такимъ правительственнымъ мѣрамъ положило распоряженіе императора Павла I, данное 5 апрѣля 1797 г., запрещавшее принуждать крѣпостныхъ къ работѣ по воскреснымъ днямъ и предписывавшее помѣщику довольствоваться трехдневною барщиною. Дальнѣйшія мѣры, направленныя къ ограниченію крѣпостного права, были изданы въ царствованіе императора Александра I-го. Первой изъ нихъ было прекращеніе пожалованій населенныхъ имѣній. На просьбу одного сановника, желавшаго получить въ награду деревню съ крестьянами, императоръ отвѣтилъ: „русскіе крестьяне большею частью принадлежатъ помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія, и потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ и принялъ за правило никому не давать въ собственность крестьянъ“. Съ 1801 г. пожалованія душъ прекратились навсегда.

12 декабря 1801 года императоръ Александръ I особымъ указомъ разрѣшилъ людямъ всѣхъ сословій пріобрѣтать землю покупкой въ собственность. До того землей могли владѣть только дворяне.

Вскорѣ послѣ изданія этого указа, одинъ изъ крупнѣйшихъ тогдашнихъ землевладѣльцевъ, графъ Сергѣй Румянцевъ, обратился къ императору Александру I съ прошеніемъ, въ которомъ писалъ, что хотѣлъ бы отпустить на волю часть своихъ крестьянъ, всего 199 душъ, съ тѣмъ, чтобы вся земля, состоящая въ пользованіи крестьянъ, поступила бы въ ихъ собственность безъ всякаго платежа съ ихъ стороны. Самъ онъ, графъ Румянцевъ, имѣетъ одно желаніе остаться попечителемъ для тѣхъ крестьянъ, для которыхъ былъ раньше помѣщикомъ. Онъ радъ былъ бы пожертвовать и большимъ, но денежныя его обстоятельства не позволяютъ ему поступиться болѣе; чѣмъ 2000 рубл. годового дохода. Такова была сумма оброка, получавшагося графомъ съ отпускаемыхъ крестьянъ.

Въ отвѣтъ на это прошеніе послѣдовалъ Высочайшій указъ отъ 21 февраля 1803 г., которымъ не только разрѣшалось отпустить на волю съ землей своихъ крестьянъ графу Румянцеву, но и „всѣмъ, кто изъ помѣщиковъ послѣдовать примѣру его (т. е. графа Румянцева) пожелаетъ". Далѣе въ указѣ слѣдовали условія, на которыхъ эти отпуски крестьянъ съ землей могли имѣть мѣсто. Разрѣшалось отпускать на волю съ землей какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя селенія; сначала помѣщикъ долженъ былъ заключить со своими

отпускаемыми крѣпостными условія, какія по обоюдному согласію признаются лучшими, относительно количества земли и платы за нее, и только послѣ этого онъ могъ подавать прошеніе о разрѣшеніи. Просьба черезъ министра Внутреннихъ Дѣлъ представлялась Государю Императору на его Высочайшее рѣшеніе. Крестьяне и селенія, отпущенныя на основаніи этого указа съ землей на волю, получали особое наименованіе: свободныхъ хлѣбопашцевъ. Во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ свободные хлѣбопашцы были приравнены къ казеннымъ крестьянамъ.

То обстоятельство, что указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ отмѣчалъ, что крестьяне при отпускѣ на волю сами должны договариваться съ помѣщикомъ о количествѣ необходимой имъ земли и о платежахъ за нее, свидѣтельствуетъ, что законъ признавалъ крестьянъ правоспособными людьми, тогда какъ обычаи крѣпостного времени, какъ мы видѣли, считаютъ крестьянъ вещью, которая не въ правѣ и не можетъ отвѣчать сама за себя.

Первое время примѣненіе новаго закона обѣщало дать блестящіе плоды: въ теченіе одного года по изданіи закона получили свободу и стали вольными хлѣбопашцами 8000 душъ крѣпостныхъ.

Чтобы дать закону о вольныхъ хлѣбопашцахъ

больше простора, императоръ Александръ I указомъ отъ 14 октября 1804 г. позволилъ купцамъ, получившимъ чинъ не ниже восьмого класса, покупать крѣпостныя имѣнья, но съ тѣмъ, чтобы крестьяне этихъ имѣній не оставались крѣпостными новыхъ помѣщиковъ. Законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, хотя и не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ но всё-таки онъ сдѣлалъ свое дѣло, сдѣлалъ, во всякомъ случаѣ, больше для освобожденія крестьянъ, чѣмъ всѣ послѣдовавшія за нимъ распоряженія вплоть до самаго указа 19 февраля 1861 г.

Законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ дѣйствовалъ до 1858 года. Всего вышло на волю по этому закону 151,895 душъ мужск. пола, что составляетъ ½% всего числа крѣпостныхъ, считавшихся въ Россіи къ 1858 году.

Въ 1803-мъ же году императоръ Александръ I запретилъ отдавать крѣпостныхъ въ работу за долги ихъ помѣщика, такъ какъ „никто не долженъ подвергаться наказанію за чужую вину“ гласитъ указъ, объявившій это распоряженіе.

Затѣмъ при императорѣ Александрѣ I было запрещено продавать людей по газетнымъ объявленіямъ и на рынкахъ. Вскорѣ послѣдовавшія войны съ Наполеономъ отвлекли вниманіе государя отъ внутреннихъ дѣлъ, и законъ о вольныхъ хлѣбо-

пащцахъ остался, такимъ образомъ, самой важной мѣрой по крѣпостному праву въ царствованіе Александра I, если не считать освобожденія отъ личной зависимости крестьянъ Прибалтійскихъ губерній, т. е. Лифляндской, Эстляндской и Курляндской.

Крестьяне — латыши, жители этихъ губерній, считались крѣпостными помѣщиковъ — нѣмцевъ. Нѣмцы, лѣтъ за полтысячи тому назадъ, завоевали латышскую землю и превратили латышей сначала въ своихъ данниковъ, а потомъ и въ крѣпостныхъ. Пока земля была дешевле крѣпостного труда, помѣщикамъ было выгодно владѣть крѣпостными. Къ началу 19-го в. земля въ этихъ губерніяхъ очень вздорожала, и тогда помѣщики согласились отпустить своихъ крестьянъ на волю, но безъ земли. Такъ и было сдѣлано. Но обезземеленные, хотя и свободные, латыши попали въ еще худшую зависимость отъ своихъ прежнихъ господъ, такъ какъ когда они были крѣпостными, то имѣли землю даромъ отъ своихъ помѣщиковъ, сдѣлавшись же свободными, принуждены были снимать ее у прежнихъ господъ, при чемъ условія съемки были далеко не легкія.

Это безземельное освобожденіе крестьянъ Прибалтійскихъ губерній заставило всѣхъ сторонниковъ уничтоженія крѣпостного права обратить серьезное вниманіе на вопросъ о поземельномъ

устройствѣ освобожденныхъ. Имѣя передъ глазами тяжелыя условія, въ которыхъ очутились освобожденные безъ земли прибалтійскіе крестьяне, желавшіе добра крестьянству люди совершенно отказались отъ самой мысли объ освобожденіи крестьянъ безъ земли.

14 декабря 1825 г. вступилъ на престолъ императоръ Николай I. Новый государь съ самаго начала царствованія занялся вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ.

Для обсужденія того, какъ начать и вести это дѣло, государь учредилъ тайный комитетъ (совѣщаніе) изъ особо довѣренныхъ лицъ. Комитетъ собирался и совѣщался много и подолгу, но ничего рѣшительнаго не выработалъ. Императоръ Николай созвалъ тогда, спустя нѣкоторое время, другой такой же комитетъ, потомъ третій и т. д. Семь тайныхъ комитетовъ одинъ за другимъ дѣйствовали въ продолженіе его царствованія. Комитеты эти собрали массу свѣдѣній о положеніи крѣпостныхъ, выяснили взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ и тѣмъ самымъ очень упростили задачу тѣхъ дѣятелей, которымъ пришлось заняться освобожденіемъ.

Было сдѣлано въ царствованіе императора Николая I и нѣсколько отдѣльныхъ распоряженій, направленныхъ къ смягченію крѣпостного гнета. Такъ, законъ императора Александра I о воль-

ныхъ хлѣбопашцахъ лежалъ почти безъ употребленія, потому что не находилось помѣщиковъ, которые желали бы на основаніи этого закона отпускать на волю крестьянъ. Имъ очень не хотѣлось отдавать крестьянамъ землю, сильно поднявшуюся за это время въ цѣнѣ. Чтобы устранить это препятствіе, 2 апрѣля 1842 г. былъ изданъ законъ объ „обязанныхъ крестьянахъ", на основаніи котораго помѣщики, отпуская на волю крестьянъ, могли по добровольному соглашенію съ ними уступать имъ землю не въ собственность, а въ постоянное и наслѣдственное пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, которыя утверждались правительствомъ и не могли быть измѣняемы иначе, какъ съ разрѣшенія начальства. Выходило, такимъ образомъ, что крестьяне будутъ прикрѣплены къ землѣ, но лично свободны, помѣщикъ же останется собственникомъ всей земли, которую крестьяне будутъ обрабатывать за плату деньгами или натурой, смотря по тому, какъ будетъ уговорено въ условіи. Но всего только два помѣщика сейчасъ же послѣ изданія закона воспользовались имъ и обратили своихъ крестьянъ въ обязанныхъ.

Изъ распоряженій императора Николая, касавшихся вообще крестьянскаго быта, наиболѣе важнымъ было устройство казенныхъ крестьянъ,— т. е. жившихъ на казенныхъ земляхъ. Отъ крѣпостныхъ они только тѣмъ и отличались, что,

вмѣсто господина, подчинялись казнѣ; кромѣ податей, они платили въ казну еще особый оброкъ. Свои деревенскія дѣла казенные крестьяне обсуждали на мірскихъ сходкахъ, верховный же надзоръ и управленіе ими, какъ и другимъ казеннымъ имуществомъ—лѣсами, полевыми угодьями и т. п., принадлежалъ особому отдѣленію министерства финансовъ, вѣдавшему казенныхъ крестьянъ черезъ мѣстныхъ низшихъ полицейскихъ чиновниковъ.

Жилось казеннымъ крестьянамъ, пожалуй, даже хуже, нежели крѣпостнымъ, потому что на нихъ, обыкновенно, наваливались всякія повинности, въ родѣ починки мостовъ, дорогъ, поставки подводъ и т. п. Эти повинности лежали и на крѣпостныхъ, но помѣщикъ всегда умѣлъ оградить своихъ крестьянъ отъ казенной повинности, и тогда она цѣликомъ ложилась на крестьянъ государственныхъ. Казенные крестьяне отличались поэтому сравнительно малой зажиточностью, были, слѣдовательно, плохими плательщиками. Устроить бытъ казенныхъ крестьянъ было поручено графу Киселеву, горячему стороннику мысли объ уничтоженіи крѣпостного права. Онъ былъ поставленъ во главѣ вновь учрежденнаго Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ вѣдѣніе котораго были переданы казенные крестьяне. Новый министръ горячо принялся за устройство ихъ быта.

Казеннымъ крестьянамъ нарѣзали достаточно

земли, дали возможность управляться въ своихъ дѣлахъ самимъ, на сходкахъ, и довольно точно опредѣлили ихъ отношеніе къ начальству.

Дальнѣйшіе законы императора Николая, касавшіеся крѣпостныхъ, были слѣдующіе. Въ 1841 г. было запрещено продавать крестьянъ въ розницу; въ 1843 г. безземельные помѣщики лишились права покупать и продавать крестьянъ безъ земли; въ 1847 г. министръ Государственныхъ Имуществъ получилъ разрѣшеніе пріобрѣтать въ казну дворянскія имѣнія, продававшіяся съ аукціона, а мы знаемъ, что ихъ продавалось очень много. Въ томъ же 1847 г. (8 ноября) крестьянамъ имѣній, продававшихся съ аукціона, предоставили право *выкупаться на волю съ землей*, позволили такъ сказать, выкупать самихъ себя. Но могли воспользоваться этимъ важнымъ закономъ всего только 946 душъ крестьянъ. Наконецъ, въ 1848 г., крѣпостные крестьяне получили право пріобрѣтать покупкой землю въ свою личную собственность. Закономъ этимъ тоже мало кто изъ крестьянъ воспользовался, потому что на покупку требовалось разрѣшеніе помѣщика.

Всѣми этими законами понемногу все больше выяснялось, что *крѣпостной крестьянинъ, плательщикъ государственныхъ податей, несущій важную государственную повинность—рекрутскую, не можетъ и не долженъ считаться чьей-либо част-*

ной собственностью. Крѣпостной человѣкъ—прежде всего подданный государства и, какъ таковой, долженъ пользоваться извѣстными правами и можетъ разсчитывать на поддержку государства при защитѣ своихъ правъ.

Законами императора Николая I и устанавливалось, что лично крестьянинъ свободенъ, что помѣщику принадлежитъ только земля, которую обрабатываютъ крестьяне, что при разверсткѣ поземельныхъ отношеній господъ и крестьянъ выкупаться самимъ крестьянамъ не приходится; они выкупаютъ только землю. (Законъ объ обязанныхъ крестьянахъ). Какъ лицо свободное, крестьянинъ не можетъ служить предметомъ торга: населенную землю можно продать, но крестьянъ безъ земли—нѣтъ (законъ 1843 г.). Такъ какъ крестьяне прикрѣплены къ землѣ, а не къ лицу помѣщика, то они, какъ люди свободные, сами могутъ пріобрѣтать недвижимую собственность и владѣть ею (законы 1847 и 1848 г.).

Такъ опредѣлило положеніе крѣпостныхъ законодательство императора Николая. Оно значительно упростило самый вопросъ о крѣпостномъ правѣ, безповоротно рѣшивъ, что крестьяне только потому зависятъ отъ помѣщиковъ, что живутъ на ихъ землѣ и обрабатываютъ ихъ землю.

Мы прослѣдили, правда, очень бѣгло, какъ совокупная работа естественныхъ условій и зако-

нодательства подрывала крѣпостное право. Дни его, можно сказать, сочтены: съ одной стороны оно грозитъ рухнуть само собой, подъ тяжестью своихъ собственныхъ послѣдствій, съ другой—законодательство, опредѣливъ болѣе или менѣе ясно положеніе крѣпостныхъ, привело все дѣло къ тому, что являлась полная возможность отмѣнить крѣпостное право ранѣе его естественной смерти.

Законодательство прямо могло воспользоваться умираніемъ крѣпостного права. Упоминалось уже выше. что ⅔ дворянскихъ имѣній находились въ залогѣ у казны. Общая сумма долга дворянъ равнялась чуть не милліарду. Правительству стоило бы только назначить крайній срокъ для уплаты долговъ, а потомъ, у тѣхъ, которые не заплатятъ, отобрать имѣнія, поступить, словомъ, такъ, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ частные банки. Но къ такой рѣшительной мѣрѣ правительство не хотѣло прибѣгать, потому что она грозила разореніемъ цѣлыхъ тысячъ дворянскихъ семей.

Межъ тѣмъ рѣшительныхъ мѣръ съ нетерпѣніемъ ждала лучшая и образованнѣйшая часть русскаго общества, все, что было въ Россіи умнаго, добраго, честнаго. Въ первомъ ряду нападавшихъ на крѣпостное право стояла русская литература, старинная противница рабовладѣнія. Ея голосъ, съ отвращеніемъ отзывавшійся о гнусности рабства, слышится изъ самой глубины XVIII-го вѣка.

Можно привести много именъ писателей, горячо высказывавшихся противъ рабства. Имя Посошкова, современника Петра Великаго, мы уже упоминали не одинъ разъ. При Екатеринѣ II много заставила говорить о себѣ книга Радищева, гдѣ было изложено предложенie о постепенномъ освобожденiи крестьянъ съ землей, и ярко изображался вредъ и беззаконie владѣнiя людьми. Заодно съ Радищевымъ бичевалъ въ своихъ журналахъ уродливыя явленiя жизни, порожденныя господствомъ крѣпостного права, Н. И. Новиковъ. Фонвизинъ въ своей комедiи „Недоросль" нарисовалъ такую картину помѣщичьяго произвола и самодурства, что эту комедiю до сихъ поръ нельзя читать равнодушно; совсѣмъ не смѣшны слова главной героини ея—Простаковой, „госпожи безчеловѣчной и злонравной", когда она, толкуя по-своему указъ о вольности дворянства, говоритъ, что „дворянинъ воленъ поколотить своего слугу, когда захочетъ". Изъ именъ писателей XIX-го вѣка нельзя упомянуть ни одного, хоть сколько-нибудь крупнаго, чтобы не отмѣтить носителя его, какъ противника крѣпостного права. Во главѣ всѣхъ стоитъ, конечно, Пушкинъ, еще задолго до освобожденiя восклицавшiй:

„Увижу ли, друзья, народъ освобожденный,
И рабство, павшее по манiю царя,
И для отечества свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?"

Лермонтовъ еще четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ писалъ драмы и повѣсти, проникнутыя негодованіемъ противъ крѣпостного права. Гоголь въ „Мертвыхъ душахъ“ далъ такую галлерею портретовъ нравственнаго и умственнаго уродства, что вчужѣ жутко становится, когда припомнишь, что, вѣдь, это все портреты душевладѣльцевъ. Бѣлинскій свою литературную дѣятельность, можно сказать, съ того и началъ, что написалъ драму, въ которой выставлялъ крѣпостное право въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Величайшаго успѣха въ своемъ противодѣйствіи крѣпостному праву литература достигла ко времени, когда паденіе его было уже совсѣмъ близко.

Въ 1847 году Д. В. Григоровичъ написалъ двѣ повѣсти: „Деревня“ и „Антонъ Горемыка“. Проникнутыя глубокимъ сочувствіемъ къ порабощенному крестьянству, этому „поильцу и кормильцу русской земли“, названныя повѣсти произвели сильное впечатлѣніе на настроенную противъ крѣпостного права часть русскаго общества. Съ того же 1847 г. начали печататься „Записки охотника“, принадлежащія перу одного изъ величайшихъ русскихъ писателей—И. С. Тургенева. На первый взглядъ эти очерки не представляютъ ничего, рѣзко протестующаго противъ крѣпостного права. Въ нихъ мы имѣемъ просто рядъ картинъ изъ тогдашней помѣщичьей и крестьян-

ской жизни. Но стоило только всмотрѣться въ эти картинки, вслушаться въ общій тонъ разсказовъ, проникнутыхъ чувствомъ гуманности и искренней любви къ угнетенному крѣпостному крестьянству, а потомъ оглянуться на живую дѣйствительность, чтобы почувствовать глубокое отвращеніе къ крѣпостничеству. Тогдашній читатель прочитывалъ, напримѣръ, „Бѣжинъ лугъ", эту художественную картину ночной бесѣды деревенскихъ ребятъ, стерегущихъ табунъ лошадей, и сразу проникался расположеніемъ къ этимъ дѣтямъ, которыя такъ просто и сердечно разговариваютъ другъ съ другомъ. Но какъ могъ читатель того времени отрѣшиться отъ мысли, что всѣ эти выведенные авторомъ милые, хорошіе рябята—будущіе рабы, почти безсловесная вещь и собственность господина, который по минутному капризу можетъ изломать имъ всю жизнь? Неловко должно было становиться на душѣ мыслящаго человѣка того времени. „Читая „Записки охотника",—говоритъ историкъ новѣйшей русской литературы, — русскіе читатели впервые видѣли въ мужикахъ не двуногое рабочее стадо, а живыхъ людей, братій своихъ по человѣчеству, и пріучались любить ихъ, принимать горячее участіе въ ихъ судьбѣ".

Далеко не всѣ, конечно, были увѣрены въ необходимости освобожденія крестьянъ. Многіе среди

дворянства высказывались противъ, а вообще старались не говорить объ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Но дѣло настолько уже приблизилось къ концу, что замалчиваніемъ его ничего нельзя было достигнуть. Оно все равно заставляло говорить о себѣ всѣхъ, а пуще того—думать. Въ концѣ 30-хъ годовъ, по порученію министра Государственныхъ Имуществъ гр. Киселева, объѣзжалъ Россію съ цѣлью ознакомиться съ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ чиновникъ этого министерства и извѣстный писатель — Заблоцкій - Десятовскій. Въ его отчетѣ о поѣздкѣ отношеніе помѣщиковъ къ слухамъ о готовящейся отмѣнѣ крѣпостного права характеризовано такъ: „тѣ изъ дворянъ нашихъ,— говоритъ онъ,—кои стоятъ низко на степени образованія, видятъ въ крѣпостномъ правѣ необходимое условіе своего существованія. Они не проникаютъ въ глубь вопроса, знаютъ только, что въ ихъ власти находятся люди, которые должны имъ работать даромъ, что наемнику надо было бы платить наличными деньгами, межъ тѣмъ, какъ крѣпостному предоставляется только средство къ выручкѣ денегъ, т. е. земля. Въ глазахъ такихъ дворянъ это всегда выгоднѣе и, разумѣется, легче. Притомъ весьма много льститъ чувство власти, къ которой такъ привыкъ нашъ дворянинъ. Все это вмѣстѣ поддерживаетъ во многихъ убѣжденіе, что крѣпостное право не только необходимо, какъ

установленіе законное, временемъ освященное, но какъ неотъемлемое право дворянства и средство къ поддержанію его состоянія.

Иные простираютъ это мнѣніе еще дальше: они убѣждены, что уничтоженіе крѣпостного состоянія будетъ гибельно для государства. „Какъ“, говорятъ они, „предоставить людей этихъ самимъ себѣ, когда они и подъ нашей властью не имѣютъ порядочной нравственности, да они всѣ сопьются и пропадутъ“. Нѣкоторые говорятъ: „просвѣтите сперва крестьянъ, а потомъ и освободите“. Въ освобожденіи крестьянъ они видятъ только нарушеніе ихъ права частнаго,—„за что же отнимутъ“, говорятъ они, „у насъ вещь, которую мы купили за деньги, выработанныя нерѣдко трудомъ и терпѣньемъ? Хотите взять, такъ заплатите!“ Другіе говорягъ: „рабы суть младшіе братья человѣчества, надъ которыми нужна еще строгая и близкая отеческая власть. Свобода имъ вредна, какъ дѣтямъ“.

Но, по свидѣтельству того же Заблоцкаго, слышались и другія мнѣнія: „есть дворяне,—говоритъ онъ,—такъ же весьма многочисленные, которые сознаютъ всю несправедливость крѣпостного состоянія. Сознаніе это еще болѣе поддерживается въ нихъ увѣренностью, что крѣпостное право, съ обязанностями, которыя налагаетъ оно на владѣльца, есть во многихъ случаяхъ тягость для сего послѣдняго. Помѣщики эти говорятъ: „ко-

нечно, покупать и продавать людей есть чудовищность: возьмите, освободите ихъ, мы будемъ нанимать ихъ для работъ, но оставьте намъ нашу землю, которую мы купили; она есть предметъ, всегда и вездѣ подлежащій куплѣ".

Итакъ, Заблоцкій при своемъ сборѣ мнѣній помѣщиковъ наталкивался или на болѣе или менѣе безусловную защиту крѣпостного права, или на готовность освободить крестьянъ, но не иначе, какъ безъ земли. „Тѣмъ не менѣе, — продолжаетъ онъ, — нельзя не замѣтить, что вопросъ объ измѣненіи крѣпостного права, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ казавшійся дикимъ, нынѣ никого не изумляетъ. Всякій такъ или иначе готовъ разсуждать о немъ".

Заблоцкій писалъ въ началѣ 40-хъ годовъ. Къ пятидесятымъ годамъ настроеніе общества оказывается еще болѣе напряженнымъ, что и становится особенно замѣтно въ литературѣ, какъ мы видѣли. Русское общество, лучшая, наиболѣе просвѣщенная часть его, ждетъ освобожденія крестьянъ, какъ чего-то насущнаго, необходимаго, безъ чего невозможнымъ становилось жить. Такимъ же чувствомъ прониклось и крестьянство и все ждало воли. О волѣ въ крестьянской средѣ толковали, судили и рядили по всякому поводу.

Въ 1853 году, какъ извѣстно, началась Восточная война. Непріятель вступилъ въ предѣлы Россіи и осадилъ Севастополь. Былъ обнародованъ

манифестъ о созывѣ государственнаго ополченія. Такіе манифесты объявлялись и при прежнихъ войнахъ, но теперь лихорадочно настроенному въ ожиданіи воли крестьянству этотъ манифестъ показался чѣмъ-то особеннымъ. Разнесся слухъ, что тѣмъ изъ крестьянъ, которые добровольно запишутся въ ополченіе, будетъ дана воля съ землей. Крестьяне Рязанской губерніи обратились къ губернатору съ заявленіемъ, что они хотятъ итти въ ополченцы. То же произошло и въ нѣсколькихъ другихъ губерніяхъ. Движеніе становилось настолько серьезнымъ, что пришлось пустить въ дѣло военную силу для его умиротворенія.

Усилились случаи возмущенія крестьянъ противъ помѣщиковъ. Въ 1848 г. такихъ случаевъ было 64, въ 1852 г.—44, и вплоть до самаго освобожденія ежегодное число крупныхъ крестьянскихъ волненій не спускается ниже 23.

При такомъ положеніи дѣлъ вступилъ на престолъ императоръ Александръ II.

VI.

Императоръ Александръ II прекрасно понималъ, что крѣпостное право отжило свое время и поэтому рѣшилъ отмѣнить его непремѣнно, не дожидаясь, пока оно рухнетъ само собой. Въ мартѣ 1856 года, находясь въ Москвѣ, императоръ

Императоръ Александръ II.

Александръ II и объявилъ это свое рѣшеніе во всеуслышаніе въ рѣчи, обращенной къ дворянамъ-землевладѣльцамъ Московской губерніи. „Я узналъ, господа,—говорилъ императоръ,—что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету, столь важному, Я считаю нужнымъ объявить вамъ, что Я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній".

Послѣ этихъ словъ государя, быстро распространившихся по всей Россіи, толки о крѣпостномъ правѣ, о необходимости его отмѣны, о возможности ея и т. п. усилились еще болѣе. Во время коронаціи, въ августѣ 1856 г., съѣхавшіяся отовсюду дворяне ни о чемъ больше и не говорили. Съ особенно большой готовностью встрѣтили намѣреніе государя освободить крестьянъ депутаты отъ дворянства Литовскихъ губерній: Ковенской, Гродненской и Виленской. Это сдѣлалось извѣстно государю, и Онъ для одобренія литовскихъ дворянъ

издалъ рескриптъ на имя генералъ-губернатора этихъ губерній, Назимова. Въ этомъ рескриптѣ государь одобрялъ благія намѣренія литовскаго дворянства, какъ вполнѣ соотвѣтствующія его видамъ и желаніямъ, и позволялъ дворянству Литовскихъ губерній образовать изъ своей среды особое совѣщаніе — Комитетъ — для выработки улучшенія быта ихъ крестьянъ. Открытіе комитета вскорѣ и состоялось.

Межъ тѣмъ и въ Петербургѣ, съ 3 января 1857 г., тоже было устроено государемъ совѣщаніе особо довѣренныхъ лицъ подъ его собственнымъ предсѣдательствомъ. Членомъ этого комитета былъ назначенъ и братъ государя, великій князь Константинъ Николаевичъ, горячій сторонникъ освобожденія крестьянъ. По мысли великаго князя крестьянскому дѣлу дали широкую огласку. По всѣмъ губерніямъ были разосланы копіи съ Высочайшаго рескрипта Литовскому генералъ-губернатору. При копіяхъ находилось поясненіе министра Внутреннихъ Дѣлъ, гласившее, что и дворяне другихъ губерній, если пожелаютъ, могутъ устраивать у себя совѣщанія объ улучшеніи быта ихъ крѣпостныхъ. Первымъ пожелало воспользоваться разрѣшеніемъ государя нижегородское дворянство, потомъ рязанское, и къ октябрю 1858 г. во всѣхъ губерніяхъ Россіи открылись совѣщанія—Комитеты дворянъ объ улучшеніи быта ихъ крѣпостныхъ.

Всѣ рѣшенія, къ какимъ приходили дворяне каждой губерніи въ своихъ совѣщаніяхъ, велѣно было представлять въ Петербургъ въ особо учрежденный для разбора дворянскихъ мнѣній Главный Комитетъ.

Этотъ Главный Комитетъ, составленный изъ высшихъ чиновниковъ, раздѣлялся на двѣ части—комиссіи,—названныя редакціонными, потому что они должны были редактировать, т. е. разбирать, и сводить въ одно мнѣнія, представленныя дворянскими губернскими совѣщаніями. Одна изъ комиссій занялась вопросомъ, какъ вообще, какими путями и средствами можетъ быть произведено упраздненіе крѣпостного права. Другая комиссія вырабатывала положенія для отдѣльныхъ частей Россіи,—земля, вѣдь, не вездѣ одинакова, и при раздѣлѣ нужно было приравнять количество плохой къ количеству хорошей, сообразить стоимость той и другой и т. п. Предсѣдателемъ комиссій государь назначилъ генерала Я. И. Ростовцева, пользовавшагося его особымъ довѣріемъ и искренне расположеннаго покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Ростовцевъ пригласилъ къ участію въ работахъ комиссій опытныхъ людей изъ губернскихъ комитетовъ. Эти люди, хорошо знавшіе положеніе крѣпостныхъ крестьянъ—особенно Юрій Самаринъ, членъ Самарскаго комитета, и князь Черкасскій, призванный изъ Тульскаго, а также товарищъ ми-

нистра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Милютинъ, и явились главными работниками въ предпринятомъ великомъ дѣлѣ.

5-го марта 1859 г. предсѣдатель комиссій генералъ Я. И. Ростовцевъ изложилъ членамъ, какъ, по его мнѣнію, должно совершиться освобожденіе. Во-первыхъ, по его мнѣнію, нужно было вести дѣло какъ можно справедливѣе, одинаково безобидно для крестьянъ и помѣщиковъ. Во-вторыхъ, крестьяне непремѣнно должны получить землю по согласію съ помѣщиками, выкупивъ ее у нихъ. Въ-третьихъ, крестьяне должны получить землю не только для усадебъ, подъ дворъ, но также и полевыя и другія угодья. Въ-четвертыхъ, барщинныя повинности отмѣнить какъ можно скорѣе. Въ-пятыхъ, правительство, казна, должны помочь крестьянамъ при выкупѣ ими земли у помѣщиковъ. Въ-шестыхъ, наконецъ, крестьянамъ должно дозволить владѣть выкупленной ими землей, какъ хотятъ: хотятъ сообща—міромъ, хотятъ—могутъ раздѣлить по дворамъ. Такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что Я. И. Ростовцевъ предлагалъ все это съ вѣдома государя, то, понятно, предложенія его были приняты всѣми безъ споровъ, единогласно.

Но отъ единогласія въ принятіи такихъ общихъ положеній было еще очень далеко до единогласія обсужденіи мелочей въ устройствѣ какъ самаго освобожденія, такъ и быта освобождаемыхъ крестьянъ.

Какъ среди членовъ комиссій, такъ и въ обществѣ существовали тысячи мнѣній относительно того, какъ быть съ крѣпостнымъ правомъ. По мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, Ланского, разсматривавшаго мнѣнія, представленныя губернскими комитетами, можно было раздѣлить ихъ всѣ на три отдѣла. Первый — это мнѣнія тѣхъ, „кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому матеріальными выгодами“... этотъ разрядъ, по мнѣнію министра, имѣетъ „тайное направленіе къ удержанію своихъ правъ подъ разными видами“. „Стремленія эти,— говоритъ министръ,—встрѣчаются почти во всѣхъ комитетахъ и въ весьма многихъ изъ нихъ составляютъ большинство“. Второе было представлено „знатными и богатыми“, явно желавшими удержать у себя всю землю, а крестьянъ превратить въ свободныхъ арендаторовъ. Третье мнѣніе шло со стороны меньшинства. Въ немъ выражалось желаніе совершенно уничтожить крѣпостное право и надѣлить крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли въ полную ихъ собственность. Во главѣ такихъ мнѣній стояло мнѣніе тверского дворянства, руководимаго своимъ предводителемъ А.М. Унковскимъ, однимъ изъ гуманнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени.

Точно такіе же три рода мнѣній обнаружились и среди членовъ редакціонныхъ комиссій и возбу-

дили среди нихъ долгія и горячія пренія, особенно по вопросу о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, о томъ, какъ произвести размежевку земли, сколько оставить помѣщику, сколько отдать крестьянину.

Отдать всю землю крестьянамъ считалось такъ же невозможнымъ, какъ и не дать имъ совсѣмъ земли. Предлагали такой средній путь: оставить землю въ собственности помѣщиковъ, а крестьянамъ дать право вѣчнаго пользованія ихъ участками за оброкъ помѣщику, опредѣляемый по взаимному соглашенію. Но такой выходъ не рѣшалъ дѣла даже и на половину: оставалась зависимость между обѣими сторонами, становившаяся невыгодной для однихъ и надоѣвшая другимъ. Послѣ многихъ и долгихъ споровъ пришли къ тому, что другого выхода, кромѣ предложеннаго Ростовцевымъ, не можетъ быть, а именно: нужно дать крестьянамъ землю въ достаточномъ количествѣ въ собственность, при условіи, что крестьяне выплатятъ стоимость земли помѣщику.

Когда такой исходъ дѣла опредѣлился вполнѣ, сторонники крѣпостного права начали стремиться обставить все при освобожденіи крестьянъ съ землей такъ, чтобы это было какъ можно выгоднѣе для помѣщиковъ. Понятно, возлѣ чего стали тогда вращаться споры о выгодѣ и невыгодѣ — возлѣ земли, какъ раздѣлить ее.

Освобожденіе крестьянъ съ землей могло быть

выгодно для помѣщиковъ только при томъ условіи, если въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, гдѣ земля дорога, размѣры крестьянскихъ надѣловъ будутъ сдѣланы по возможности малы, а въ нехлѣбородныхъ, гдѣ земля была менѣе дорога, цѣну за землю при выкупѣ назначили бы повыше. Въ первомъ случаѣ, крестьянамъ не хватало бы земли, и они поневолѣ стали бы арендовать ее у помѣщиковъ, другими словами, за помѣщиками осталась бы въ этомъ случаѣ дешевая рабочая сила. Во второмъ случаѣ, помѣщикъ получалъ выгоду въ видѣ дорогой цѣны на землю.

Споры обо всемъ этомъ затягивали дѣло освобожденія и грозили отложить его въ долгій ящикъ.

Тогда государь императоръ, желавшій, чтобы освобожденіе крестьянъ произошло по добровольному согласію дворянства, предпринялъ поѣздку по великорусскимъ губерніямъ и вездѣ обращался къ дворянству съ рѣчами, въ которыхъ именовалъ дѣло освобожденія крестьянъ „великимъ", „дѣломъ общаго блага" и высказывалъ дворянству свое благоволеніе за готовность „содѣйствовать, а не препятствовать" освобожденію крестьянъ. Рѣчи государя, твердо и опредѣленно выражавшія Его волю, значительно ускорили ходъ дѣла.

Въ то же время русскіе газеты и журналы, получившіе право свободно обсуждать вопросъ о крѣпостномъ правѣ, своими статьями разъясняли

многія стороны дѣла, оставшіяся до того темными, или казавшіяся неважными. Было, напримѣръ, мнѣніе, предлагавшее растянуть освобожденіе крестьянъ на возможно долгій срокъ—лѣтъ на 30, на 40. Рядъ статей въ газетахъ и журналахъ выяснилъ, что дѣлать это не только опасно, но и невыгодно. Среди статей, посвященныхъ дѣлу освобожденія крестьянъ, особенно выдѣлялись статьи профессора сначала московскаго, а потомъ петербургскаго университетовъ К. Д. Кавелина.

Въ концѣ концовъ комиссіи рѣшили освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости возможно скорѣе, надѣлить ихъ въ собственность по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ землей, не только усадебной, но и пахотной. При выкупѣ ими земли—дать помощь изъ казны. Эти три условія и легли въ основу плана освобожденія крестьянъ, подробно разработаннаго комиссіями.

Въ продолженіе 1860 г. планъ этотъ разсматривался въ Главномъ Комитетѣ, а потомъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ.

„Положеніе о крестьянахъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости", какъ назывался законъ, было принято въ Государственномъ Совѣтѣ, и 19 февраля 1861 г. подписано государемъ. Такъ осуществилось великое дѣло освобожденія крестьянъ.

VII.

Только сравнивъ то, что было, съ тѣмъ, что стало, можно болѣе или менѣе ясно судить, какое великое дѣло совершилось. Мы видѣли, что представляло изъ себя крѣпостное право. Всмотримся ближе въ Положеніе 19 февраля, превратившее милліоны русскихъ людей изъ безправныхъ рабовъ въ свободныхъ людей.

Въ Положеніи 19 февраля можно различать три отдѣла. Въ первомъ содержится перечисленіе тѣхъ личныхъ правъ, которыя получили освобожденные крестьяне; *второй* касается отношеній бывшихъ крѣпостныхъ къ землѣ и помѣщику, наконецъ, въ третьемъ устанавливается образъ управленія крестьянъ, вышедшихъ на волю.

Правила перваго отдѣла отмѣняютъ всякую власть помѣщика надъ крестьянами. Крестьяне получаютъ на основаніи ихъ право, какъ порознь, такъ и цѣлыми обществами, заключать съ частными лицами и казной договоры, вступать въ обязательства и брать подряды; они могутъ свободно заниматься торговлей, устраивать фабрики и другія промышленныя заведенія, получаютъ право иска, жалобы и суда, наказываемы могутъ быть не иначе, какъ по суду, или по законному распоряженію установленныхъ властей.

Какъ свободные сельскіе обыватели, крестьяне получаютъ право участвовать въ мѣстномъ управленіи, переходить въ другія сословія, воспитывать дѣтей въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и поступать на государственную службу по нѣкоторымъ вѣдомствамъ.

Содержащіяся во второмъ отдѣлѣ статьи опредѣляютъ хозяйственный бытъ крестьянъ и прежде всего устанавливаютъ, что крестьяне имѣютъ право выкупить усадебную осѣдлость даже безъ согласія помѣщика, для выкупа же полевыхъ земель и угодій законъ требовалъ согласія помѣщиковъ. Признавая затѣмъ, что выкупъ земли самимъ крестьянамъ не подъ силу, Положеніе давало имъ помощь отъ казны и твердо и ясно опредѣляло самый порядокъ выкупа. Далѣе правила Положенія требовали, чтобы земля подъ крестьянскіе надѣлы отходила только удобная, годная для пашни или сѣнокоса; пески, болота, овраги, улицы, дороги запрещалось засчитывать въ крестьянскіе надѣлы.

Такъ какъ почва въ различныхъ губерніяхъ и уѣздахъ Россіи неодинакова, то было бы очень несправедливо устанавливать одинъ размѣръ надѣла для всѣхъ мѣстностей. Поэтому, принимая въ расчетъ различія въ плодородіи почвы, густотѣ населенія и цѣнности земли въ различныхъ мѣстахъ, душевые надѣлы сдѣланы были различ

ные. Такъ, напр., въ Курской губ. и нѣкоторыхъ уѣздахъ Тульской, Рязанской и др. губерній надѣлы были назначены не болѣе 2⅔ десятинъ, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской и Астраханской до 12 десятинъ.

Такъ какъ во многихъ губерніяхъ было много малоземельныхъ помѣщиковъ, обладавшихъ большими, сравнительно, количествами крестьянъ, такъ что могло случиться, что при раздѣлѣ чуть не вся помѣщичья земля должна была бы отходить крестьянамъ, то въ Положеніи, ради предупрежденія подобныхъ случаевъ, устанавливались для каждой губерніи низшій и высшій размѣры надѣловъ. При этомъ соблюдалось, чтобы низшій составлялъ ⅓ высшаго. Если при размѣжевкѣ количество земли, которой пользовался каждый крестьянинъ во время крѣпостного права, было *выше* высшаго размѣра, установленнаго для этой губерніи въ Положеніи, то помѣщикъ могъ отрѣзать излишки въ свою пользу; если же надѣлы въ крѣпостное время были *ниже* низшаго размѣра, указаннаго въ Положеніи, то недостающую до низшаго надѣла долю нарѣзывали крестьянамъ изъ помѣщичьей земли.

Такъ какъ при размежевкѣ, особенно когда приходилось отрѣзывать землю въ пользу помѣщика, могли происходить всякія злоупотребленія то въ Положеніи строго указывалось, что отрѣ

зывать изъ крестьянскихъ надѣловъ можно только неунавоженныя пашни, непоемные луга, кустарники, удаленные отъ деревень, лѣса. Изъ унавоженныхъ полей позволялось дѣлать отрѣзки только въ тѣхъ случаяхъ, когда, кромѣ какъ изъ нихъ, не изъ чего было отрѣзать; огороды же, капустники, хмельники и конопляники вообще запрещалось отрѣзывать иначе, какъ съ согласія самихъ крестьянъ. Когда являлось нужнымъ прирѣзать крестьянамъ недостающую до назначеннаго въ Положеніи низшаго размѣра долю, то прирѣзку требовалось по закону дѣлать изъ угодій, смежныхъ съ крестьянской землей, или, по крайней мѣрѣ, изъ земель, находящихся неподалеку отъ крестьянскихъ угодій.

Чтобы опредѣлить цѣну выкупаемой крестьянами земли, Положеніе указывало поступать такъ: извѣстную часть оброка, платившагося каждой ревизской крѣпостной душой помѣщику, обыкновенно отъ 1½ до 3½ руб., считали уплачиваемой за пользованіе усадебной осѣдлостью и вычисляли, какой капиталъ долженъ получиться при 6% годовыхъ, если ежегодный доходъ съ него равняется отъ 1½ до 3½ руб. По вычисленіи оказывалось, что такой капиталъ можетъ равняться отъ 25 р. до 55 руб. Такимъ же образомъ вычисляли выкупную стоимость и другихъ угодій. Полученныя итоги складывали и тогда получали оцѣночную стоимость

земли и угодій. Для выкупа правительство предлагало крестьянамъ помощь отъ казны въ видѣ ссуды. Въ ссуду правительство выдавало отъ $^{3}/_{4}$ до $^{4}/_{5}$ цѣны надѣла. Недохватку до полной стоимости крестьяне должны были вносить сами изъ своихъ средствъ. Какъ только крестьяне и помѣщикъ соглашались относительно размѣра выкупныхъ платежей, казна выдавала помѣщику слѣдуемую сумму, и крестьяне превращались изъ должниковъ помѣщику въ должниковъ казны. Казенный долгъ крестьяне обязывались выплатить въ 49 лѣтъ путемъ ежегодныхъ взносовъ съ начисленіемъ 6%. Разрѣшалось, разумѣется, погасить казенный долгъ и ранѣе.

Пока крестьяне не сойдутся съ помѣщиками относительно выкупа, они должны были считаться временно-обязанными, должны были уплачивать помѣщику за пользованіе землей денежный оброкъ или отбывать барщину. Но право помѣщика на трудъ временно - обязанныхъ крестьянъ ограничивалось въ Положеніи особыми правилами. Всѣ обычные при крѣпостномъ правѣ, такъ называемые „добавочные сборы" птицей, яйцами, масломъ, холстомъ, отмѣнялись совсѣмъ. Денежный оброкъ временно-обязанныхъ крестьянъ устанавливался для различныхъ мѣстностей различный, смотря по мѣстнымъ цѣнамъ, и простирался отъ 8 до 12 рублей съ душевого надѣла. Особенно точно опредѣлялись

правила отбыванія временно-обязанными барщины. Рабочій день ограничивался 12 часами лѣтомъ и 9 зимой. Требовалось, чтобы работы отнюдь не были вредны для здоровья и были сообразованы съ силами работниковъ и работницъ. За удержаніе крестьянъ на барщинѣ лишнее противъ указаннаго время помѣщикъ подвергался денежному штрафу.

Всѣ условія, на какихъ совершался по взаимному договору крестьянъ съ помѣщикомъ выкупъ земли, вносились въ особую Уставную Грамоту.

Для наблюденія за тѣмъ, чтобы освобожденіе крестьянъ велось правильно, какъ указано въ Положеніи, *выбирались изъ потомственныхъ дворянъ*, землевладѣльцевъ уѣзда, особые Мировые Посредники. На ихъ обязанности лежало объяснять крестьянамъ условія ихъ освобожденія, вѣдать поземельныя отношенія между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами. Жаловаться на неправильныя дѣйствія посредниковъ можно было Уѣздному мировому съѣзду, состоявшему изъ мировыхъ посредниковъ уѣзда и члена отъ правительства. Высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ по устройству быта освобожденныхъ крестьянъ, по Положенію 19-го февраля, назначались особыя въ каждой губерніи Губернскія по Крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, состоявшія изъ высшихъ чиновниковъ губерніи и выборныхъ членовъ отъ дворян-

ства. Губернскія Присутствія должны были разбирать жалобы на дѣйствія посредниковъ и съѣздовъ, утверждать всякія дѣла по добровольнымъ соглашеніямъ между помѣщиками и крестьянами, главнымъ образомъ, по выкупу крестьянами земли.

Въ третьемъ отдѣлѣ Положенія 19-го февраля устанавливаются условія сельскаго самоуправленія. Всякая деревня должна въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ управляться сходомъ крестьянъ и выбираемымъ на сходѣ старостой. Принимать участіе въ сельскомъ сходѣ дозволяется только домохозяевамъ. На сходкѣ рѣшаются дѣла, касающіяся хозяйственной жизни деревни, устанавливается порядокъ пользованія мірской землей, назначаются ссуды изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ и т. п. Сходъ вѣдаетъ также дѣла, касающіяся семейныхъ отношеній, назначаетъ опекуновъ надъ малолѣтними сиротами, разрѣшаетъ семейные раздѣлы. На сходкѣ разверстываются съ общаго обсужденія и согласія всѣ земскіе и государственные платежи. Всѣ участники схода имѣютъ только по одному голосу.

Нѣсколько селеній, имѣющихъ вмѣстѣ приблизительно отъ 2.000 до 3.000 ревизскихъ душъ, составляютъ волость. Управленіе волостью состоитъ

изъ: 1) волостного схода, 2) волостного старшины и правленія и 3) волостного суда. Волостной сходъ составляется изъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ и выборныхъ крестьянъ по одному съ каждыхъ 10 домохозяевъ. Волостной сходъ вѣдаетъ всѣ дѣла по хозяйству и управленію волостью. Для завѣдыванія текущими дѣлами волости волостной сходъ выбираетъ старшину, который вмѣстѣ съ писаремъ и вѣдаетъ эти дѣла. Волостной судъ состоитъ изъ судей-крестьянъ, выбираемыхъ на волостныхъ сходахъ. Вѣдѣнію этого суда подлежатъ дѣла, касающіяся только крестьянъ: гражданскія цѣной до 100 руб. и мелкія уголовныя преступленія. За послѣднія волостной судъ имѣетъ право приговаривать обвиненныхъ къ небольшимъ наказаніямъ: заключенію подъ арестъ, денежному штрафу и къ наказанію розгами не свыше 20 ударовъ*). Всѣ дѣла въ волостномъ судѣ производятся словесно.

Таковы въ краткихъ чертахъ права крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости по закону 19-го февраля 1861 года. Заключительныя слова манифеста, которымъ сопровождалось обнародованіе закона: „Осѣни себя крестнымъ зна-

---

*) Высочайшимъ указомъ отъ 11-го августа 1904 г. тѣлесное наказаніе въ Россіи отмѣнено.

меніемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго",—прекрасно выражаютъ основной смыслъ установленнаго новаго порядка: свободный, самостоятельный трудъ крестьянина на собственной его землѣ долженъ стать основой общественно-хозяйственнаго строя Россіи.

Главнѣйшими пособіями при составленіи очерка служили слѣдующія книги:

М. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Россіи XVI и XVII вв.

П. Бѣляевъ. Крестьяне на Руси.

В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности, т. I, II и III.

В. Ключевскій. Происхожденіе крѣпостного права. (Русская Мысль 1885 г. книги 8 и 10).

Его-же. Отмѣна холопства въ Россіи. (Русская Мысль 1886 г. книги 5, 7, 9 и 10).

Его-же. Литографированный курсъ лекцій по Русской Исторіи.

К. Побѣдоносцевъ. Историческія изслѣдованія и статьи.

В. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе имнер. Екатерины II-й, т. I и II.

Его-же. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и перв. полов. XIX в. т. I и II.

А. Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи въ XVIII в.

П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Вып. I.

Его-же. Крестьяне. (Статья въ Энциклопедиче-

скомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона, т. 32-й, стр. 675—725).

Н. Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права.

А. Заблоцкій-Десятовскій Графъ Киселевъ и его время.

І. Джаншіевъ. Эпоха Великихъ Реформъ

М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ т. I. изд. 1900 г.

Князь Н. Волконскій. Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ.

Н. Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія.

А. Повалишинъ. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные.

Д. Троицкій. Крѣпостное населеніе Россіи по X-й ревизіи.

П. Струве. Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX вѣкѣ („Міръ Божій" 1898 г. кн. 10 -12).

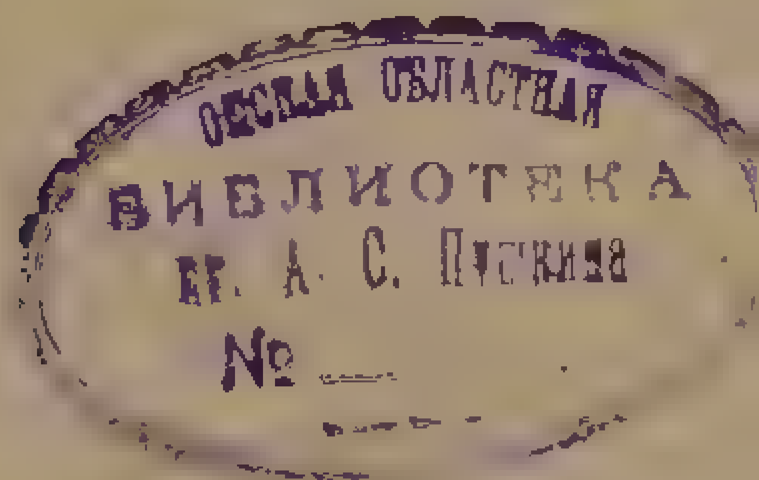
И. Забѣлинъ. Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ. (Вѣстникъ Европы 1870 кн. 1—2).

А. Доброклонскій. Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII в.

А. Лаппо-Данилевскій. Разысканія по исторіи прикрѣпленія крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.

Н. Рожковъ. Сельское хозяйство Московскаго государства XVI в.

И. Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи.

70 28

20

4005

741 85 2014

[illegible]

1-1511

3011

[illegible]

Цѣна 25 коп.